

Анжелъ де Куать Э

ВСАДНИКИ ТЬМЫ

Поиски Скрижалей окончились.

Но все это время Тьма не бездействовала...

Семь Ее Печатей довлеют над тайной Спасения.

Знаем ли мы, что такое Тьма? Чистое сердце интуитивно выбирает Свет. Но может ли оно противостоять злу, не зная, что это — Тьма? Существует пророчество темных магов о Священном Копье. По преданию, этим копьём был пронзен на распятии Иисус Христос...

Ошеломительный, мистический триллер, связанный с этим пророчеством, стремительно разворачивается сейчас в Вене. Неонацистская организация готова установить власть нового Мирового Порядка. Если Священное Копье обретет Силу, эта чудовищная фантазия станет реальностью. Только изменив сознание человека, скованного липкой паутиной страха и лжи, избранные узнают тайну Первой Печати и остановят Зло.

Баланс Силы нарушен.

Всадники Апокалипсиса уже идут.

«Только трусы мечтают контролировать мир. Они трясутся от страха, что их желания не исполнятся. И трусы же находятся в абсолютной зависимости от мира, потому что мир владеет ими через их желания. Таково Правило Силы.»

Анхель де Куатьэ.

Тайна печатей. Первая печать.

«Всадники тьмы»

Анхель де Куатьэ.

Всадники тьмы

«И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.

И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее...

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри.

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».

Откровение святого

Иоанна Богослова,

5:1-3, 6:1,2

Андрей подошел к входной двери и открыл ее.

— Я попрошу вас следовать за мной, — объявил человек, возглавлявший группу людей в черных костюмах.

— А вы, простите, кто? — спросил Андрей.

— Вы получите все необходимые разъяснения позже, — ответил человек.

— Но, согласитесь, это как-то странно... — Андрей продолжал настаивать на объяснениях. — Вы просите нас следовать за вами, и не говорите, кто вы и куда, зачем вы...

Андрей не успел закончить фразы. Люди, до сих пор стоявшие на пороге, ворвались в комнату. Нас схватили — меня, Данилу, Андрея — и вытолкали на улицу. Там стояло несколько машин-фургонов с затемненными стеклами. В них нас и погрузили.

— Это в ваших же интересах, — услышал я краем уха, когда мне выворачивали руку и выталкивали из квартиры.

Почему нас везли в разных фургонах, я не знаю. Везли долго. Как диких зверей. Каждому по своей клетке.

Мысли крутились в голове, словно подхваченные гигантским торнадо. Ничего не разобрать, ни на чем не сосредоточиться. Мое сознание как будто выпотрошили и разложили на солнцепеке. А я смотрю на эти свои внутренности и ничего не могу понять.

Мы что-то сделали не так. Где-то ошибка. Но что именно? В чем мы ошиблись? Мне показалось, что прошел час, может быть, полтора. Лежа в темноте на полу машины, я чуть-чуть пришел в себя и смог сконцентрироваться на трех самых важных вопросах.

Во-первых, знаем ли мы седьмую Скрижаль? Андрей рассказал о ней, но текста нет. Жизнь Избранных всегда находилась под угрозой. Так, может быть, эти люди как раз и есть та угроза? Угроза Андрею? А коли так, значит, у нас еще нет седьмой Скрижали.

Во-вторых. Допустим, что все семь Скрижалей уже, все-таки, найдены. Андрей не ошибся, и у последней Скрижали действительно просто нет текста. Но что тогда нам с ними делать? Зачитывать, как спасительную мантру? Проповедовать? Прятать?

Наконец, в-третьих. Я понял, что до сих пор мы не знаем самого главного: «Что такое Тьма?» Мы стоим против Ей, а Она, как ни в чем не бывало, идет у нас по пятам. Мы спорим о

Ее сути, но у нас одни предположения. Ничего больше...

Что есть «Тьма»?..

* * *

Теперь мне стало казаться, что я не в машине, а в миксере. Фургон несся по разбитым дорогам, колдобинам, ухабам, а потом и вовсе — словно по полю, по пересеченной местности. Окна черные, абсолютно непроницаемые. Ничего не видно.

Куда нас везут? Или, может быть, меня одного?

Раздался страшный скрежет. Машина взлетела вверх, словно поднялась на рифленый металлический помост, резко дернулась и пошла под уклон вниз. Я запаниковал. Что это может быть? Стоп.

Дверь открылась. Меня ослепил луч большого ручного фонаря.

— Выходите, — услышал я.

Машины стояли в огромном сводчатом ангаре, похожем на туннель метро. Темно, бегают люди. Данилу и Андрея тоже вывели из машин. Данила чуть впереди, Андрей в десяти метрах сзади. На душе стало легче.

— Данила! Анхель! — донеслось откуда-то сбоку. Из смежного туннеля появилась группа людей.

Впереди шел молодой человек. Его быстрая, подвижная фигура, высвеченная лучами фонарей, показалась мне знакомой.

— Гаптен?! — закричал Данила. — Ты? Не может быть!

— Может, может! — Гаптен подбежал к Даниле и обнял его. — Господи, как я рад вас видеть! Анхель! Андрей! Идите сюда!

— А?.. — я показал на захвативших нас людей.

— Они вас охраняют, не бойтесь, — ответил Гаптен. — Извините, что вас так доставили... Но это для безопасности. Вас легче уберечь по отдельности.

— Охраняют... — протянул я. — Понятно.

Я обернулся назад и увидел, как Андрей, смерив своих «телохранителей» взглядом, направился ко мне.

— Надо думать, это «свои»? — прошептал он, поравнявшись со мной.

— Надо думать, — ответил я. — А вон с Данилой — Гаптен. Я о нем писал в «Маленькой принцессе».

Мы подошли.

— Андрей, — представился наш друг.

— Да, и знаю, — улыбнулся Гаптен. — А я — Гаптен. Ну, пойдете. Совсем нет времени.

— Нет времени? — переспросил Данила.

— Сейчас я вам все объясню, — заверил нас Гаптен. — Только спустимся вниз.

Мы пошли по темному, абсолютно заброшенному туннелю. Никаких источников света. Грязно, дико. Дорогу перед нами освещали ручные фонари охранников. Мы свернули за угол и сели в лифт, которым Гаптен управлял с помощью небольшого устройства, похожего на брелок автомобильной сигнализации.

— Это бывший военный объект, — пояснил Гаптен в лифте. — Теперь здесь все переоборудовано под резиденцию одного из членов Совета.

— Постой, — перебил его Данила. — Но мы же в другом месте встречались — особняк за городом, у Кассандры. Я думал, то и была резиденция ВААЗ.

— То место, где вы были, это так называемая Миссия — представительский орган, —

объяснил Гаптен. — «Миссия» используется только для «официальных встреч». А настоящая работа Всемирной Академии Астрального Знания абсолютно засекречена. Вы сейчас все увидите...

Двери лифта открылись, и нас ослепил яркий свет офисных помещений. Впрочем все это больше напоминало лабораторию, нежели офис. Абсолютно белые стены, стеклянные перегородки, мониторы, огромные пульта, люди в белой униформе.

— Что это? — оторопел я.

— Это аналитический центр, — объяснил Гаптен. — Сюда стекается вся информация по региону. Здесь ее анализируют и разрабатывают математические модели. Далее, уже в виде математических моделей, эта информация поступает в центральный аналитический узел. Иначе он не справится с объемом...

— Математические модели? — мне показалось, что я ослышался. — Но ведь это Академия Астрального Знания! А как же ясновидение, экстрасенсорные и пара психологические способности? Вы пользуетесь математическими моделями? Не может быть...

— Да, Анхель, конечно пользуюсь! — подтвердил Гаптен. — Астральный мир устроен совсем не так, как этот, материальный. Они не совпадают. Но все, что происходит в материальном мире, имеет свое отражение в астрале, и наоборот. Во избежание ошибок информацию приходится конвертировать на универсальном для двух миров языке.

— Я сошел с ума, — тихо сказал Андрей, странно улыбнулся и взялся обеими руками за голову. — Я сошел с ума.

— Я понимаю, что все это странно, — Гаптен остановился посередине пустого белого коридора и посмотрел нам в глаза, каждому по очереди. — Но, к сожалению, я не могу вводить вас в курс дела постепенно. Обстоятельства требуют незамедлительных действий. Баланс нарушен. Началась война...

* * *

В большой зале, похожей на римский Пантеон, вокруг огромного круглого стола были расположены массивные плазменные мониторы — двадцать три штуки. Стол действительно был очень большим, наверное около десяти метров в диаметре. Единственное кресло стояло на том месте, где, по логике, должен был располагаться еще один, двадцать четвертый экран.

— Это главный зал заседаний, — объяснил Гаптен, когда мы вошли в это помещение и застыли, пораженные увиденным. — Заседание начнется через пятнадцать минут.

Гаптен сел в единственное кресло, трижды нажал на одну из кнопок небольшого пульта, расположенного перед ним, и из-под стола выехало три сидения. Мы сели.

— Гаптен, я ничего не понимаю, — сказал Данила. — Ты говоришь, началась война?! Какая война? С кем война? Почему война?

— А где индус? — вставил я. — Свами Брахмананда? Он говорил, что, когда мы найдем все семь Скрижалей, Тьма усилится по принципу противовеса. Это так? Мы нашли седьмую Скрижаль?

— Только по порядку... — попросил Гаптен. — Сейчас я расскажу, что знаю. Да, вы нашли седьмую Скрижаль. И у нее действительно нет текста, только смысл. По сути, она является ключом к первым шести. Данила — тот, на ком лежит миссия изменить сознание людей. И когда это произойдет, первые шесть Скрижалей обретут свою подлинную силу.

— А о каком изменении сознания идет речь? — спросил Андрей.

— Никто из посвященных этого не знает, — покачал головой Гаптен. — Эту тайну откроет Данила. Но не сейчас...

— Почему не сейчас? — не понял я.

— Потому что, пока вы искали Скрижали, силы Тьмы не бездействовали, — ответил Гаптен. — Откровение Иоанна Богослова о Конце Времен начинается с посланий, обращенных к семи церквам: «имеющий ухо да услышит». Но на самом деле, это послания не церквам, а Избранным. Избранных вы нашли.

— А сами Скрижали составляют священную книгу, о которой говорится в Откровении дальше? — предположил Андрей. — «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями».

— Абсолютно верно. Анхель и Данила находили Скрижали, а Тьма активизировала эти печати.

Гаптен подтвердил догадку Андрея: Скрижали Завета — это та книга, о которой говорится в Апокалипсисе. Я сам использовал отрывки из Откровения в качестве эпитафий, а не понял этого! Эти эпитафии возникли почти что случайно. Мы тогда только встретились с Данилой. Он рассказал мне о своем путешествии на Байкал. А следующей ночью у меня был странный сон. Мне снились тексты библейского Откровения.

Откровение Иоанна Богослова начинается с послания семи Церквам. Это были послания Избранным — Кристине, Илье, Максиму, Мите, Маше, Саше и Андрею (и Андрей понял это, когда формулировал Скрижали). А дальше, после этих посланий в Откровении рассказывается о том, что есть некая книга, которая запечатана семью печатями. В присутствии двадцати четырех старцев кто-то снимает эти печати. И появляются...

— Боже мой! — я вдруг испытал ужас. — Всадники Апокалипсиса!

— Да, Анхель, — тихо сказал Гаптен. — Всадники Апокалипсиса. Тьма до сих пор была аморфной и диффузной, а теперь она готова воплотиться...

— Об этом и говорил индус, — понял я. — Именно поэтому он был так скептически настроен в отношении наших поисков.

— И да, и нет, — поправил меня Гаптен. — Откровение Иоанна Богослова принадлежит христианской традиции. А Свами Брахмананда придерживается карма-йоги и вед. Он больше всего боялся нарушения Баланса. Впрочем, он ведь и был Его архитектором. Идея Баланса Силы победила после Второй мировой войны.

Двенадцать посвященных объявили о своем нейтралитете и создали Совет, который и возглавил Свами Брахмананда. Еще шесть посвященных оставили за собой право активно бороться за Царство Света. И еще шесть — объявили о своей готовности приближать час Тьмы. Так возник Баланс Силы, паритет...

Сказав это, Гаптен обвел взглядом стоящие перед ним плазменные экраны. Я автоматически пересчитал их — двадцать три, плюс кресло Гаптена. Всего — двадцать четыре. Печати должны открыться в присутствии двадцати четырех старцев...

— А что здесь сейчас будет? — спросил Данила.

— Здесь, сейчас... — прошептал Гаптен и замер.

Он словно погрузился в транс. Никто из нас не решился его переспрашивать.

— Здесь, — повторил Гаптен через минуту, — состоится Встреча Двадцати Четырех посвященных, на которой будет объявлено о низложении Баланса Силы.

— О низложении Баланса Силы? — не понял я. Но почему? Как?

— Я занял в Совете место своего Учителя — Серафитуса, — тихо сказал Гаптен. — Но я не могу оставаться в Совете. Я не могу поддерживать нейтралитет. Всадники Апокалипсиса уже идут. Я встаю на сторону тех, кто борется за Царство Света. Свами считает это безумием. Но у меня просто нет другого пути.

— Рад приветствовать вас, — один из экранов вспыхнул, и на нем появилось изображение Свами Брахмананды. — Гаптен, Данила, Анхель, Андрей.

Индуc выглядел спокойным. Но за его невозмутимостью скрывалась обреченность. Казалось, его глаза говорили: «Я пытался вас остановить. Я пытался вас спасти. Я сделал все, что мог. Но у меня ничего не получилось. Простите. Делайте, что задумали».

Мы поприветствовали индуcа.

— Вы продолжаете меня удивлять, — сказал Свами, и его голос дрогнул. — Раньше вашу храбрость можно было объяснить неведением. Но сейчас... За вами не стоит никакая реальная сила. Вы идете в бой с голыми руками. Вы делаете шаг, хотя знаете, что дороги назад не будет. Это безумие! Почему вы не прислушаетесь к голосу разума? Почему не спасете себя и нас?! Гаптен, ты не передумал?

— Нет, Свами, — ответил Гаптен. — Я не передумал.

Повисла тяжелая пауза.

— Ну, будь по-вашему, — прошептал индуc и грустно улыбнулся. — Странно, конечно. Никогда бы не подумал, что огромное, выстроенное с таким трудом здание Баланса Силы может рухнуть из-за четверки бесстрашных и безрассудных юнцов. Безумие. Просто безумие. Ну, мы начнем заседание...

И как только индуc произнес эти слова, словно по команде, включились остальные мониторы. Характерные щелчки и гул множества голосов. Видимо, все «присутствующие» на этой встрече находились в точно таких же пустых залах, за круглыми столами и двадцатью тремя экранами по периметру. Каждый в «своем регионе». Полная иллюзия встречи за круглым столом. Встреча с говорящими головами.

Двенадцать человек из двадцати четырех были нам с Данилой хорошо знакомы. Кроме Гаптена и Свами, здесь присутствовали еще десять членов Совета. Мы уже встречались с ними в миссии ВААЗ. Остальных мы видели впервые. Шестеро — в белых одеждах, еще шесть — в темных. Члены Совета, как и в прошлый раз, были в самых разных платьях — светских, религиозных, национальных.

«Присутствующие» здоровались и переговаривались друг с другом. Кто-то очень тепло и дружелюбно, кто-то, напротив, натянуто и резко. Разговор шел на самых разных языках, большую часть из которых мне так и не удалось идентифицировать.

Несколько человек говорили по-испански. Я прислушался. Ничего особенного. Казалось, мы присутствуем на совете директоров какой-то крупной транснациональной корпорации.

— Попрошу тишины, — совсем негромко сказал Свами, но его все услышали и замолчали. — Сегодня мы будем говорить по-русски. На Встрече Двадцати Четырех присутствует Данила, а также Анхель и Андрей.

«Собравшиеся» понимающе покачали головами и внимательно посмотрели на нас. Когда я поймал на себе двадцать три пары глаз, взирающих на меня с мониторов, я инстинктивно съежился. Андрею и Даниле, судя по всему, тоже было не по себе.

— Полвека мы жили в рамках Баланса Силы, — продолжил Свами. — Ни Темные, ни Светлые не имели преимущества, поскольку двенадцать посвященных хранили нейтралитет. Мы исповедовали принцип невмешательства: каждое живое существо имеет право выбирать свою судьбу по собственному разумению. Я верил и продолжаю верить в то, что такая политика посвященных — единственно правильный путь.

Да, я вынужден признать, что большинство живых существ следуют сиюминутной выгоде, не думают о будущем и не чтят прошлое. Я сожалею об этом. Но это их выбор. И если они

выбрали гибель, никто не вправе запретить им этого. Пусть гибнут. Душа Мира бессмертна. Если на ней появились мелкие язвы, что с того? Она очистится и возродится вновь. Человечество само сделало свой выбор. Так думаю я — Свами Брахмананда.

Я не знаю, за что вы боретесь, — Светлые и Темные. Я не знаю, что вы защищаете и что надеетесь завоевать. Вы деретесь за чучело мертвой мыши! Прежде мы сдерживали вас, теперь... Теперь вы вольны действовать, как вам заблагорассудится. Баланс нарушен. Формально в этом виновен Данила. Но я считаю виновными Светлых. Вы подначивали Избранника, вы посылали ему своих эмиссаров, вы помогали ему в поисках Скрижалей.

Если бы Темные не встретили сопротивления, то рано или поздно возобладала бы справедливость. Зло погубило бы Само Себя. Я говорил и повторяю это: противостоять Злу — значит признавать Зло. Зло же существует лишь тогда, когда Его признают. Оно не самоценно. Вступить с Ним в борьбу — значит дать Ему силы. Светлые, вы сделали это! Поэтому я обвиняю вас в нарушении Баланса Силы.

Я думаю, что эта Встреча Двадцати Четырех станет последней. Поэтому я предлагаю всем сторожам выложить карты на стол.

Воцарилась гробовая тишина. Эти слова Свами Брахмаианды прозвучали почти зловеще. Нет, в них не было ни угрозы, ни даже прямых обвинений. Только констатация факта. Но даже этого оказалось достаточно, чтобы погрузить всех присутствующих в состояние оцепенения. Одна лишь констатация факта...

Через несколько секунд шесть из двадцати трех экранов одновременно погасли. Я вздрогнул. Но тут же почувствовал, что в комнате стало светлее — по энергетике, по ощущению. Словно ушла какая-то тяжесть.

— Темные совещаются, — тихо сказал Гаптен, повернувшись к нам вполоборота.

Пауза продолжалась несколько минут. Все «присутствующие» хранили молчание.

И вдруг в полной тишине, словно ниоткуда, раздался голос. Он прокатился гулким эхом по сводам залы и с силой ударил по ушам. Вспыхнуло шесть погасших до того экранов.

— Тьма воплощается, — говорил человек с темным, землистым лицом, черной бородой, в одеянии, похожем на монашескую сутану. — Никто из вас не верил пророчествам темных магов. Никто не признавал равное право Тьмы. Вы не хотели считаться с нами. Вы говорили, что у Тьмы нет силы. Что ж, может быть раньше вы и были правы, но теперь это не так. Тьма обрела силу. Пришло наше время.

Мы, как и Светлые, лишь адепты. Но мы верим, что Тьма одержит вверх и именно это станет моментом высшей справедливости. Мы согласны со Свами Брахманандой — человечество должно погибнуть. Но его гибель — это не наказание, это его предназначение! У человечества никогда не было своего лица. Любые его попытки обрести Свет заканчивались обретением Тьмы. Так должно было быть и так произошло.

Вы хотите знать наши планы? Теперь нам есть кому служить. Мы поможем Тьме довести начатое до конца. Мы будем сеять панику и смуту, вселять в людские сердца страх и отчаяние. Мы заставим людей желать прихода могущественной силы, способной избавить их от бремени свободы и тягостной необходимости выбирать. Мы пообещаем им бессмертие в обмен на...

Черный человек замолчал. Что-то очень важное должно было слететь с его уст, но в последний момент он одумался и остановился.

И в эту же секунду в полнейшей тишине залы я услышал, как о крышку стола ударился какой-то небольшой металлический предмет. Словно кто-то подкинул монету, она взлетела, упала на ребро и затем, качнувшись, легла на поверхность стола.

Все, как по команде, повернули головы в направлении этого звука.

Данила медленно отнял от столешницы руку. Под ней, лицевой стороной вверх, лежал

серебряный кулон с ангелом. Ангел оглянулся и смотрит на нас, словно он уходил куда-то, а мы его окрикнули. Мы видим его спину с двумя пятнами возле лопаток, и лежащие рядом сброшенные крылья. На миг мне показалось, что эти пятна стали бордовыми — словно две раны с запекшейся кровью.

— Обмен не состоится, — тихо, но уверенно сказал Данила. — Мы будем бороться.

Представьте себе бездетную пару. Ему — сто лет, ей — девяносто. Они много пережили вместе, многое перенесли, впрочем, теперь все наладилось. Муж и жена нежно любят друг друга. Но Бог так и не дал им детей. Словно проклятие, словно наказание.

Конечно, мы все понимаем — это невозможно, немислимо. Конечно, этого не может быть. Но давайте хотя бы предположим, что произошло чудо — у этой пары родился сын. Совсем крошечный, чудный, здоровый. Как бы вы его назвали? Радость...

Исаак — в переводе с иврита значит «радость». Исаак — долгожданный первенец благословенной пары — Авраама и Сарры, ветхозаветного пророка и его святой супруги, прародительницы всего еврейского народа.

Бог действительно долго не давал им детей. Но Авраам был благочестив и за всю свою долгую жизнь ни разу не прогневил Господа. Бог ставил перед Авраамом задачи, а тот шел и исполнял их. Авраам был послушным и верным слугой своего Бога.

Но в минуты отчаяния Авраам спрашивал у Бога: «Что я сделал не так? За что Ты гневаешься на меня? Почему не даешь мне сына от Сарры?» Бог молчал. Но вот однажды Авраам увидел трех странников, идущих по знойной пустыне мимо его шатра.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Авраам. В пустыне стояла удушливая жара, но странники, капалось, ее не ощущали. Их ноги не утопали в раскаленном песке, а одежды развевались так, словно бы их обдул прохладный ветер. Величественный покой.

Авраам пригласил странников к своему шатру — отдохнуть и подкрепиться. Радужный хозяин лично прислуживал гостям. Он заколол барана и накормил странников свежими хлебами, испеченными Саррой.

По завершении трапезы старший из странников сказал Аврааму: «Я опять буду у тебя в это время, и будет сын у Сарры, жены твоей». Услышав это, Сарра не смогла сдержать охвативших ее чувств, она рассмеялась — тихо, горько, едва заметно...

Бог дал им сына. Исаак рос и мужал на радость родителям. Но пришла беда — неожиданно, нежданно, негаданно. Снова те же три странника, и снова они говорят с Авраамом, но на сей раз они не обещают ему наследника. Нет. Они требуют принести Исаака в жертву.

Следующим утром Авраам встает рано, еще до рассвета. Собирается, нагружает осла хворостом и будит Исаака.

«Вставай, сын! — говорит Авраам Исааку. — Мы идем в землю Мория».

На третий день пути они подошли к горе Мория.

«Зачем мы поднимаемся на эту гору, отец?» — спросил Исаак.

«Там расположен жертвенник. Мы идем принести жертву Богу!» — ответил Авраам.

«Отец, а где же агнец для всесожжения?» — удивился мальчик.

«Бог усмотрит Себе агнца», — ответил ему Авраам.

Старик разложил на жертвенном камне хворост, связал мальчика, положил его белое тело поверх дров, взял нож и занес его над своим ребенком...

Как бы вы назвали своего малыша, если бы он родился у вашей жены после семидесяти лет бездетности? Как бы назвали своего малыша, если бы он родился у вас от любимого мужчины, с которым вы были бесплодны столько лет? Я думаю, вы назвали бы его Радость.

Так о чем же эта ветхозаветная притча? О вере? О смирении? Или о власти?.. Все зависит от точки сборки.

Авраам — пример для всего еврейского народа. Он не ослушался Господа, не пошел против Его воли. Он все сделал правильно — так, как велел ему Бог. А еврейский Бог бесстрастен, он

требует только исполнительности: «Сказано — сделано!». Так что для евреев притча об Аврааме и сыне его Исааке — это притча о смирении.

Христианский Бог, напротив, добр и милосерд. Это Бог, принесший в жертву собственного Сына. И христианин верит, что его Бог никогда не возжелает зла рабу своему, не отвернется от него и не оставит в минуту печали. А потому в устах христианина притча об Аврааме и сыне его Исааке становится притчей о вере, о вере в Бога.

Но почему я так настойчиво слышу в этой притче слово о власти?..

«Ведь что такое власть? — говорит мне Данила. — Власть — это не когда кто-то правит, власть — это когда кто-то подчиняется».

Да, есть Божья воля, а есть наши поступки. И когда я смотрю на Данилу, я понимаю, что он бы никогда не принес в жертву ни своего, ни чужого ребенка. Кто бы его об этом ни просил и чего бы это ему ни стоило. И это не вопрос веры или смирения, это истина его сердца — защищать и бороться. Это власть сердца.

Господь усмотрел Себе агнца. Это правда. Исаак остался жив и невредим. Да. Кто-то, возможно, восхищен поступком Авраама. Но у меня этот старик почему-то не вызывает ничего, кроме жалости ...

— Гаптен! Гаптен! — раздалось из дальнего конца коридора.

Мы только вышли из зала Встречи Двадцати Четырех.

— Что-то нашли?! — озабочено отозвался Гаптен.

— Похоже, что да! — рапортовал сутулый взъерошенный человек в больших очках, в сбившемся набок белом халате.

— Ну, не томи! — попросил Гаптен.

— Вот! — мужчина развернул что-то наподобие топографической карты и ткнул туда пальцем.

Ничего не разобрать. Какие-то точки, стрелки, круги, пунктирные линии.

— Вена?! — Гаптен недоуменно уставился на своего собеседника. — Нет. Не может быть...

— Точно! — закивал головой тот. — Критическое сгущение! Если и здесь воплощения Тьмы не будет, то мы, значит, вообще все неправильно дергаем.

Гаптен нахмурился:

— Каково состояние на настоящий момент?

— Уже вот-вот! — ответил мужчина. — Процесс запущен. Видимо, не ждали Темные Встречи Двадцати Четырех.

— Не ждали... — протянул Гаптен. — И не удивительно...

— Нам надо ехать в Вену? — Данила положил руку на плечо Гаптена. — Это же Австрия. Да?

— Ехать, ехать... — задумчиво повторял Гаптен. — Нет, ехать без толку. И времени нет совсем. И языка вы не знаете. И опасно это. Очень. Вы думаете, я просто так вас в бункере закрыл?.. За вами же охота началась.

— Охота?.. — опешил я.

— Так что же нам делать?! — разозлился Данила, — Сидеть и ждать?!

— Нет, — ответил Гаптен. — Ждать нельзя. Придется действовать через информационное поле...

Отто вышел из Собора святого Стефана. Вечерняя месса только закончилась. Венская аристократия не торопясь покидала церковь.

За время службы совсем стемнело. Небо стало почти черным. Пространство освещают только редкие фонари да витрины бутиков на улицах Грабен и Кернтнер — штрассе.

В нерешительности Отто застыл посреди Штефанплац. Справа от него уродливый — из стекла и бетона — коммерческий центр Хаас-Хаус, а слева — красивейший из соборов.

Готическая стрела святого Стефана пронзала небо. Величественная, исполненная необыкновенной силой — она завораживала и даже пугала внушаемым ею восторгом.

— Отто! — послышалось сзади.

Отто обернулся. Со стороны Хаас-Хауса к нему спешил Вильгельм — человек с большим тонким носом и неестественно длинными пальцами. Подобные аномалии у австрийских аристократов встречаются часто. Вильгельму было чуть больше тридцати, но очки, которые он никогда не снимал, делали его моложе.

Один из основателей Ордена Священного Копья, ответственный в нем за третью рейх-команду, занимавшуюся вопросами «нелегальной миграции», остановил Отто посредине Штефанплац. Это странно.

— Вильгельм, — поздоровался Отто.

— Что ты тут делаешь? — Вильгельм улыбнулся. Сверкнули два ряда безукоризненно белых зубов.

— Да вот, — Отто показал на Собор святого Стефана. — Теперь — домой. Надо выспаться.

— Домой?! — Вильгельм сделал вид, что просто не верит своим ушам. — Спать?! Я уже вторую ночь не сплю! Как ты можешь?! Одна мысль, что завтра все случится... Как можно спать?! Нет, это ерунда! Пойдем, пойдем! В Спирел-кафе. Там восстановили шоколадный торт «Спирел-Пиколо». По рецепту 1880 года. Шикарный! Пойдем! Гумпен-дорф-штрассе...

Вильгельм был совершенно не в себе. Обычно сдержанный и высокомерный, сейчас он трещал без умолку, как базарная баба. Дата Обретения Священного Копья откладывалась уже в третий раз, все были в крайнем напряжении. Но все же...

— Спирел-кафе, — согласился Отто.

Он и не мог не согласиться. Вильгельм — Старший, Отто — младший, а по Уставу Ордена младший всегда подчиняется Старшему. В Ордене ни у кого нет никаких званий или титулов. Просто каждый знает, кто для него Старший, а кто по отношению к нему младший. Жесткая иерархия. Все просто и понятно. Истинный порядок в противовес хаосу всего этого обезумевшего, свихнувшегося на гуманизме мира.

Вильгельм бормотал всю дорогу:

— Ты представляешь: уже завтра свершится Священный Союз! Священное Копье обретет Силу! Мы обретем Священное Копье! Все проблемы решатся! Наконец-то! Я просто не верю, не верю нашему счастью! Столько лет бесплодных попыток оживить Силу Священного Копья! И только теперь! Только теперь!..

Отто слушал Вильгельма краем уха. Ему странно было видеть этого человека в таком состоянии. У Вильгельма холодный, расчетливый ум. Откуда эта восторженность и нервозность? Да, Вильгельм казался нервным, даже истеричным! Его словно подменили.

Разумеется, завтра все это состоится. Отто будет и свидетелем, и участником. Но он же не бьется в истерике! Случится то, что давно должно было произойти. И это не странно и не удивительно. Странно то, что этого не произошло раньше.

Отто волновало совсем другое. В Ордене никогда не было никаких документов, бумаг, расписок. Все только на словах. Абсолютная дисциплина и абсолютная секретность. А тут, вдруг, в преддверии Обретения Священного Копья, какая-то бумага... «Зачем нужно было создавать этот странный документ? Кому он понадобился? Почему все должны были это подписать? Чем это вызвано?» Вопросы крутились в голове Отто, как белье в стиральной машине. Причем в режиме турбоотжима. Подстава.

Подписавшие эту бумагу подтверждали свою готовность участвовать в казни отступника, если таковой среди членов Общества отыщется. Но какой смысл предавать идею Общества, если уже завтра она станет реальностью?! Бред. Здесь что-то не так.

— Главное, чтобы только Святые Супруги не расписиховались...

Эта фраза, произнесенная Вильгельмом невзначай, мимоходом, случайно, словно простая оговорка, вывела Отто из задумчивости. Он не показал Вильгельму своего удивления, но в действительности сильно насторожился. Что бы это могло значить?

— Одно дело — верить в воскрешение, другое дело — знать, что воскреснешь, — продолжал Вильгельм фонтанировать. — Боюсь, что они не знают, а только верят. Ильза, по крайней мере. А вера — дело такое... Люди склонны верить, когда им что-то нужно. Когда от них что-то нужно, о вере они, как правило, забывают.

Да и непросто это — попроситься с земной жизнью. Из нас всех — только Морицу на свою жизнь наплевать. Отдаст кому хочешь, по первому требованию. Даже спрашивать не будет —

зачем? почему? с какой стати? Помрет — и спасибо скажет. Хороший человек. Дурак только. Как он в Ордене оказался? Никогда не пойму.

— Значит, могут распахнуться... — Отто произнес это спокойно, протяжно, безразлично, словно речь шла о погоде на ближайшую неделю.

— Могут. Конечно, могут! — подтвердил Вильгельм и тут же осекся. — Ты это о чем?

— Я? — Отто, не сбавляя шага, недоуменно уставился на Вильгельма; сыграл под дурачка.

Вильгельм на глазах побледнел и неловко пожал плечами — ни то виновато, ни то удивленно. Он сказал нечто, чего не должен был говорить младшему. Это серьезное нарушение Устава. Если кто-то из его Старших узнает...

— Я же в общем говорил, — Вильгельм попытался неловко замести следы. — У всех нервы на пределе. Мало ли, что может произойти. Но я-то уверен, что все будет хорошо и все получится. Мы в двух шагах от цели. Всего в двух шагах.

— Гумпендорф-штрассе, Спирел-кафе, — отрапортовал Отто и, открыв дверь, пропустил Вильгельма вперед.

Отто и Вильгельм разделись в гардеробе и прошли в зал. Официант вышел им навстречу из-за старинного буфета-стойки.

— Кафе? Бильярдный зал? — официант предложил им на выбор правую или левую галерею.

В Спирел-кафе две длинные галереи, расположенные под углом. Сверху стены галерей декорированы тканью, в нижней трети — панелями из красного дерева. Окна полуовалами, с тяжелыми, массивными гардинами. Три ряда столиков — в «Кафе». Один ряд и бильярдные столы — в другой галерее.

Уютно. Многолюдно. Снующие туда-сюда официанты.

— Кафе, — ответил Вильгельм, не глядя на официанта, и стремительно прошел в левую галерею.

Он занял столик у окна, подозвал официанта и сразу сделал заказ — торт Спирел-Пиколо, кофе, коньяк. Отто сел напротив и продублировал заказ Вильгельма. Только сейчас — при свете ламп, глядя Вильгельму в глаза, Отто понял, что тот мертвецки пьян. Накануне Дня Обретения Священного Копья! Немыслимо!

— Ты не боишься? — Вильгельм посмотрел на Отто и вдруг снял очки.

Отто впервые увидел Вильгельма без очков. Теперь Вильгельм показался ему значительно старше своих лет. Застывшие, мертвые зрачки, сетка морщин вокруг глаз и тяжелые, впавшие носогубные складки.

— Боюсь? — переспросил Отто.

— Да. Ты боишься? — повторил Вильгельм. Он буквально впился в Отто глазами.

— Нет, не боюсь, — ответил Отто.

— И ничто не напрягает? — Вильгельм не отпускал Отто, держал его взглядом. — Бумагу сегодня подписал...

Отто запаниковал. Если это не проверка, то что?! По Уставу об этом разговоре нужно будет доложить Старшему Вильгельма. Отто доложит и подтвердит свою надежность. А что если это не проверка?.. Если это не проверка, Вильгельма объявят отступником. Может быть, это просто пьяный бред, а его убьют. Отто убьет. «Бумагу подписал...»

— Да, подписал, — сказал Отто и сам почувствовал, как его голос дрогнул. — Меня ничто не напрягает.

— Думаешь, проверяю тебя? — сказал вдруг Вильгельм равнодушным тоном и откинулся на спинку кресла. — Не проверяю. Просто я отказался... Жутко мне. Как вы можете подписывать

смертный приговор неизвестно кому? Странно это.

Принесли заказ. Вильгельм почти залпом выпил свои сто пятьдесят граммов коньяка.

— Я не понимаю, что задумал Ханс, — забормотал Вильгельм тихо, себе под нос. — Почему мы до сих пор не знаем имени Священного Мужа. То, что Дева — Ильзе, нам сказали. А кто ее Супруг — нет. Почему?..

— Не знаете?.. — Отто чуть не потерял дар речи. Завтра, после похищения Священного Копья из сокровищницы Габсбургов в Хофбургском музее, Священный Муж должен будет сочетаться мистическим браком со Священной Девой. После серии обрядов они, посредством Копья, принесут друг друга в жертву. Таков план. Об этом членам Ордена говорили на протяжении всех трех лет его существования. Но почему имя Священного Мужа до сих пор неизвестно одному из основателей Ордена?! Этого просто не может быть!

— А ты думал... — протянул Вильгельм. — Не знаем. Я не знаю. Ханс уверяет, что все в порядке. Но я думаю, что на роль Священного Супруга просто выберут кого-нибудь из нас. Поэтому Ханс и бумагу эту придумал. Чтобы если, вдруг, кто-то запаникует или усомниться в выборе, его сразу в расход.

Кровь бросилась Отто в голову, а ноги свело от нервной дрожи. Словно его ногами окунули в прорубь, а головой — впихнули в раскаленную домну. Немыслимым усилием воли Отто взял себя в руки и, запинаясь чуть ли не на каждом слове, прошептал:

— Но ведь он был на Тибете, в священном городе Агарту. Это известно. У него мистические знания, полученные от ариев. Святой Муж существует. Это известно...

Вильгельм в ответ только пожал плечами — недоуменно, бессильно, равнодушно.

— Может, тебя в Священные Мужья выберут, — глупо ухмыльнулся он; он словно и не расслышал, что сказал ему Отто. — Переспешь с Ильзе, выпьешь ее девственной крови, и она тебя кончит. Как паучиха... Па-у-чи-ха...

Отто затошнило — физически, внезапно, с надрывом. Он рефлекторно схватился одной рукой за горло, другой закрыл себе рот.

— Возбуждает?.. — Вильгельм рассмеялся, как смеются сильно пьяные люди, и со второй попытки надел очки. — Нет?.. И меня — нет. Так что, надумаешь сдавать меня — сдай. Лучше уж что б меня ты убил, или Мориц, или Рудольф с Людвигом, чем так...

Отто дернулся, словно от сильного спазма, задел ногой столик. Тот накренился, и стоявшие на нем предметы с грохотом полетели на пол. Звон бьющихся бокалов и чашек — словно хлопки выстрелов. Тупой звук упавшего на пол торта. Дребезжание ударяющихся друг о друга мельхиоровых столовых приборов.

Все вокруг оглянулись и с удивлением взирали на случившееся. Подбежали официанты. Один недоуменно развел руками. Другой тут же принялся убирать упавшие на пол предметы. А Вильгельм словно и не заметил ничего. Он был в как транс — заспавшая восковая фигура с немигающими глазами.

— Знаешь, Отто, — сказал Вильгельм спокойным и размеренным голосом, — а я перестал бояться смерти. Если делаешь слишком много глупостей к ряду, то становится страшно. Страшно, что умрешь. Но когда делаешь больше того, много больше, то вдруг становится все равно — умрешь или нет. В этом ДАО — запас прочности есть у всего, даже у страха. А за ним — все, конец. Новая жизнь.

— Вильгельм... — начал было Отто, но у того зазвонил телефон.

— Да, Ханс, — ответил он в трубку. — Я понял. Еду. Сейчас.

Вильгельм встал на подкашивающихся ногах. Положил на стол купюру в пятьсот евро.

— Ты никогда не думал, что «хорошие новости» — самые плохие? — спросил он, глядя на Отто поверх очков. — Что-то у них там стряслось. Поеду. А ты сиди, отдыхай. Закажи себе торт.

Глупо вышло. Прости.

Вильгельм взглянул на остатки торта, сгребаемые официантом на совок. Пожал плечами и вышел из кафе.

Гаптен откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками. Мы сидели в комнате, отдаленно напоминавшей уменьшенную копию ЦУПа. Перед нами небольшие мониторы, пульта, датчики, а дальше, на стене — гигантский мерцающий экран.

— Ну, почему мы сразу не догадались?.. — бормотал Гаптен. — Первая печать... Всадник Тьмы... «Победоносный»... Копье Власти... «Вы не верили пророчествам темных магов»... Черт, так и есть!

Мы с Данилой переглянулись.

— Копье Власти? — переспросил Данила. — Это о нем они говорили? Что это?

— Копье Власти — это колье, которым, по преданию, римский центурион Лонгин пронзил бок Христа, — ответил Гаптен. — Оно хранится в Вене, в сокровищнице Габсбургов в Хофбургском музее.

— Это христианская реликвия? Как Вифлеемские ясли, священный Грааль, плащаница, звезды, губка?

— И да, и нет, — ответил Гаптен. — Согласно пророчествам черных магов, это не реликвия, это антиреликвия. Это Копье якобы выковал один из иудейских первосвященников, жестокий каббалист Финеес, вступивший в контакт с темными силами. Потом этим Копьем Иисус Навин, с ним он разрушил Иерихон. Царь Саул метнул это Копье в Давида. Ирод Великий отдал свой приказ об убиении Вифлеемских младенцев, держа это Копье в руках.

Список хозяев Копья говорит сам за себя. Копье Власти принадлежало римским цезарям — Диоклетиану и Константину. Королям вестготов, сокрушившим Римскую империю, и знаменитому прадеду Карла Великого. Самому Карлу Великому. С ним в средние века совершались Крестовые походы. В новейшей истории хозяевами Копья были Наполеон, кайзер Германии Вильгельм и Адольф Гитлер.

— Внушительный список, — согласился Данила. — Но, насколько я понимаю, его хозяева плохо кончили...

— Да, плохо, — согласился Гаптен. — Потому что в самый ответственный момент все они загадочным образом теряли Копье. Копье Власти возносит человека на самый верх. С ним в руках можно совершить то, что не под силу ни одному смертному. Но когда Копье покидает хозяина, он опять становится простым смертным, но теперь уже — на вершине мира, стоящим у руля неподвластной ему машины истории.

— И что, эти идиоты собираются украсть из музея эту железяку и объявить войну всему миру?.. — рассмеялся Данила; судя по всему, ему не очень верилось в историю о Копье.

— В ночь перед распятием, — Гаптен вдруг заговорил тихо и напряженно, — Христос был в Гефсиманском саду. Там Он попросил Отца, чтобы Тот пронес мимо Сына «чашу сию». Господь готов был «усмотреть Себе другого агнца». Христос не должен был умирать на кресте, он должен был явить чудо жизни. И было так. Но римляне испугались, и тогда откуда-то вновь возникло это Копье. Римляне не облегчили страданий Христа, пронзив Его бок Копьем. Они убили Его. Копье убило Его... Понимаете?..

— Нет, это ерунда какая-то... — прошептал Андрей. — Просто даже, я скажу, ахинея!

Гаптен только пожал плечами:

— Да. Но мы слишком долго не верили пророчествам темных магов...

Отто пересел за соседний столик и заказал себе торт. Вильгельм велел ему заказать торт, и

Отто заказал. Вильгельм — Старший, Отто — младший. Отто сделал то, что сказал ему Вильгельм. У Отто тряслись руки, ему было неудобно и неловко в этом кафе. Ему хотелось уйти и никогда здесь больше не появляться, но он сидел. Он заказал себе торт.

Следовать правилам — это правильно и удобно. Нарушать правила — просто глупо. Возьмем для примера водителя, нарушающего правила дорожного движения. Во-первых, он подвергает свою жизнь риску. Это глупо. Во-вторых, он может заработать штраф или попасть за решетку. Это, разумеется, тоже глупо.

Наконец, в-третьих, и это самое важное. Такой водитель вынужден постоянно решать для себя вопрос — нарушать или нет? Он подъезжает к светофору. Горит красный свет. Ночь. Темно. Никого. Ехать или не ехать? Он притормаживает, ждет, решает. Он мучается! Он в ситуации постоянного стресса! А водитель, который никогда не нарушает правил, просто останавливается и ждет.

Счастье — это когда ты знаешь, каким правилам следовать, и когда следуешь этим правилам.

Простой рецепт счастья — правила и исполнение правил. Ничего больше.

В конце концов, от правил никуда не уйти. Куда от них денешься?.. Или нарушитель правил дорожного движения думает, что он живет вне правил? Смешно. Он живет по правилам, по правилам «нарушения правил». Только у него они нечеткие. И ему плохо. Он, конечно, хорохорится, но ему плохо.

Нужны правильные правила. И у Отто они есть. Они есть у него благодаря Хансу — основателю, духовному лидеру, сердцу Ордена. Не будь Ханса — ничего бы не было. Только цельность его натуры, его ум, воля, нечеловеческая сила могли поднять с колен национальную идею, вдохнуть в нее новую жизнь, заронить ее в сердца молодежи.

«Национализм, — говорит Ханс, — есть основа существования духа, его сакральная истина. Принадлежность к нации — то, что дано человеку свыше. Это и только это определяет твою судьбу, твое место и твою роль в истории. Сознывая свое отношение к великой нации, заботясь о ней, служа ее целям, ты совершенствуешься. И в этом твое единственное право, твоя единственная и святая обязанность».

Европа запружена переселенцами из стран третьего мира — арабами, африканцами, азиатами. Это мирная оккупация. Это необъявленная война. Продуманный план низвержения нордической расы. По прогнозам ученых-демографов, уже через каких-то тридцать лет «Европа» будет лишь географическим названием.

Да, у величия есть свои исконные слабости — оно красиво и благородно. Именно этими слабостями и пользуются новые варвары. Ариец думает о том, как дать своему ребенку лучшее, и поэтому он не может иметь многочисленное потомство. Существа же, лишённые культуры, плодятся, не думая о будущности своих отпрысков.

«Гуманизм — подлинный враг цивилизации, — говорит Ханс. — Сохраняя жизни хилым и отсталым в умственном отношении расам, мы собственноручно уничтожаем культуру. Если дела пойдут так и дальше, уже через тридцать лет великая Европа превратится в черный материк. Только сильные личности, избранные народы способны служить прогрессу. И если нам предстоит выбирать между жизнью вырожденца и процветанием великой цивилизации, мы, не задумываясь, выбираем последнюю!»

Арийская раса оказалась за критической чертой. Арийцы больше не чувствуют себя святым народом, призванным возвышаться и править. Евреи целенаправленно внедряли в сознание арийцев чувство стыда и вины, делали их зависимыми от материальных благ. Это разрушило нацию изнутри, нация лишилась своего идеала.

Идеалом нации является сама нация — единая, сильная, очистившаяся от вырожденцев,

достигшая абсолютного господства. Но враги нации говорят о гражданских правах и личной свободе, искушая неокрепшие умы и разрушая их будущность. Ибо личность, отколота от нации, лишенная интимной связи с ней, гниет изнутри и разлагается.

«Устремленность к идеалу есть стержень нации, — говорит Ханс. — Отказ от идеала, компромиссные решения, фарисейство разъедают дух нации. Людями овладевает жажда материальных ценностей и страх за собственную жизнь. И лишь проходя через пламенное горнило своего стремления к идеалу, нация очищается от пустой породы и ложных примесей, своих слабостей и пороков, превращаясь в чистую, закаленную сталь!»

Ханс — святой. Отто знает это. Отто почти не сомневается, что если завтра Ханс погибнет, то по прошествии трех дней он непременно воскреснет, и мир присягнет ему, как величайшему из пророков. Вильгельм допустил непозволительные замечания в адрес Ханса. Но по отношению к Отто Вильгельм — Старший, а слова Старшего не обсуждаются. Таков порядок, таковы правила.

«Порядок — вот истинная ценность цивилизации, ее высший принцип, — голос Ханса прозвучал в голове Отто. — Ядро всякой жизнеспособной культуры — нация, то есть упорядоченная человеческая масса, где абсолютная власть каждого вождя сверху вниз подкреплена слепой ответственностью перед вождем снизу вверх. И здесь прямая выгода каждой человеческой личности, каждого индивидуума — только нация способна дать вам будущее. И только порядок делает нацию нацией!»

Отто бессмысленно ковырял вилкой торт. Он не любил сладкое. Прошло десять, может быть, пятнадцать минут. Можно было вставать и идти. Отто встал и направился к выходу.

«Равенство — чуждо природе! — нервный, чеканящий слоги голос Ханса истово звучал в голове Отто. — Только аморфные, одноклеточные существа могут ратовать за равенство всех перед всеми. Именно отсталые народы пытаются внушить арийцам идею равенства. И они делают это намеренно. Не для того, чтобы возвыситься до нашего уровня, а чтобы низвести нас до своего! Чтобы уничтожить арийскую расу, само существование которой ставит их собственное существование под сомнение!»

И бессовестно лгут те, кто говорит, будто бы мы грезим о тоталитарном обществе! Нет, мы абсолютно на другом полюсе. Уничтожение личности отдельного представителя арийской расы — дело невозможное, немислимое, несправедливое! Вот почему мы отводим каждому арийцу самое важное, самое значимое место в нашем будущем обществе. Место, которое одухотворит его жизнь! И этим местом для него будет то, где он сможет лучше всего служить своей нации, своей крови!..»

Отто уже был почти на выходе из Спирел-кафе. Поравнялся с буфетом-стойкой. Пара шагов отделяла его от двери. И вдруг нервный, надрывный, страшный и вместе с тем знакомый женский смех остановил его. Отто застыл на месте и рефлекторно повернул голову в сторону второй галереи, в сторону бильярдной. Не может быть...

— Ильзе, — прошептал он.

Глазам Отто открылась странная, казалось бы, невозможная в действительности картина.

Пьяная Ильзе почти лежала на бильярдном столе. Она выгнулась всем телом и, смеясь как сумасшедшая, фамильярно указывала пальцем в сторону какого-то мужчины. На ней было пошлое, необычайно яркое, вызывающее платье — некое подобие корсета с небольшой, имитирующей юбку, тряпкой внизу. Голые плечи, глубокое декольте, ноги в вызывающих сетчатых колготках.

Отто задрожал всем телом и кинулся в сторону бильярдной.

— Что ты так на меня смотришь?! Что?! — пьяным, противным голосом орала Ильзе. — Хочешь меня трахнуть?! Кобель! Ха-ха-ха! Хочешь?! Говори! Хочешь, я знаю! Так чего же ты

ждешь?! Слабо?! Смотри — какие у меня сиськи, какая жопа! На! Трахни меня! Прямо здесь! Давай! Что, не можешь?! Импотент! Ну так на тебе палку, трахни меня палкой!!!

Ильзе тыкала в молодого, приличного, аккуратно одетого мужчину бильярдным кием. Вокруг собирались люди.

По Уставу, в случае необходимости любой младший должен, не задумываясь, прийти на помощь Старшему. Ильзе — Старшая. Она — Святая Супруга. В ее жилах течет кровь Медичи и Габсбургов. Она посвящена в великие таинства. Она девственно чиста. Ее жизнь принадлежит Высшей Силе, пробуждения которой ждет Орден Священного Копья.

Расталкивая официантов и посетителей кафе, Отто приблизился к Ильзе и попытался взять за руку.

— Младший, — Отто произнес это кодовое слово прямо ей на ухо.

— Что такое?! — заорала Ильзе и вырвалась из его рук.

— Это ваша девушка? — осведомился мужчина, в которого Ильзе только что тыкала кием.

— Да, — сухо ответил Отто, продолжая безрезультатные попытки оградить Ильзе от собравшихся людей.

Отто должен был помочь ей немедленно покинуть кафе.

— Что тебе надо?! — орала на него Ильзе. — Кто ты?! Молокосос! Пошел вон! Оставь меня!

Она пробежала несколько шагов между столиками и остановилась в позе обругивающей клиента уличной проститутки:

— Не трогай меня! Как ты смеешь?!

У Ильзе началась настоящая истерика. В глазах стояли слезы, она бессильно махала руками, что-то кричала. Механически пыталась срывать с себя одежду. Она вела себя так, словно у нее начался приступ удушья. Но ее одежда не имела ворота, расстегивать или оттягивать было нечего. Поэтому рука Ильзе, безрезультатно ошупав горло, падала на грудь и топорщила корсет.

— Младший, — тихо, но четко повторил Отто.

— Ненавижу вас! Не-на-вижу! Сволочи! Скоты! Сутенеры!

— Боюсь, вы в одиночку не справитесь, — Отто почувствовал, как кто-то положил ему на плечо руку. — Надо вызвать... Я думаю, полицию.

Отто обернулся. Это был тот самый мужчина...

Их глаза встретились. Пауза. Недоумение. Удивление.

— Отто, — протянул мужчина. — Ты?..

Высокая, гибкая, в меру мускулистая фигура. Арийская внешность — благородное болезненно-белое лицо, большие голубые глаза, золотистые волосы. Длинные ресницы. Тонкие, изогнутые брови. За счет того, что глаза посажены глубоко, надбровные дуги кажутся массивными. Прямой, с небольшой горбинкой нос, хорошо очерченные скулы, квадратный подбородок с ямочкой. И улыбка чувственных губ. Улыбка, похожая на усмешку.

— Альфред?.. — Отто не верил своим глазам.

Лет десять или двенадцать тому назад, еще мальчиками, они учились в одной школе. Альфред — тремя годами старше. Станный, загадочный, он всегда был предметом всеобщего восхищения. Подчас даже зависти. Все признавали его необыкновенную привлекательность и поразительные интеллектуальные способности. Державшийся один, он постоянно был окружен целой свитой поклонников и воздыхателей, держащихся на почтительном расстоянии от своего кумира.

Об этом юноше постоянно ходили какие-то слухи, пугающие и будоражащие воображение подростков. Одни говорили об уникальных математических талантах Альфреда. Якобы от него даже отказался преподаватель. Случилось это после того, как мальчик, в ответ на замечание учителя, молча вышел к доске и расписал на ней несколько вариантов решения уравнения

Лапласа. Другие рассказывали о его почти мистической способности влиять на других людей. Третьи — об извращенных сексуальных наклонностях Альфреда.

Но все это были только слухи. И Отто не знал, чему верить, а чему — нет. Так или иначе, он всегда с замиранием сердца смотрел на этого необычного юношу с болезненным, неровным румянцем на абсолютно белом, словно мраморном лице. Почему с замиранием сердца?.. Просто. Без какой-либо особенной причины. Странная, притягательная и одновременно с этим пугающая сила скрывалась в этом человеке.

Отто и представить себе не мог, что когда-нибудь Альфред, этот небожитель, вдруг подойдет к нему или просто обратит на него внимание, заметит. Нет. Разве Солнце светит плебеям?.. Нет, оно этого не делает. Но однажды это случилось.

К Отто стали задирааться арабские мальчишки. Их семьи были временно расквартированы в соседнем квартале. Отто пришлось по-настоящему худо. Как-то раз его, словно дворовую крысу, загнали в угол. И вдруг, словно ниоткуда, появился Альфред. Он не стал защищать Отто, не стал драться с этими мальчишками, угрожать им. Он просто взял Отто за плечи и вывел его из «окружения». С тех пор никто из числа этих арабских подростков к Отто не приставал.

— Отто, как я рад тебя видеть! — на лице Альфреда действительно играла улыбка, искренняя, но очень грустная.

— Я... — Отто растерялся. — Вы помните мое имя? Я...

— Послушай, что с ней? — Альфред озабоченно прервал бессмысленное бляение Отто и показал на Ильзе.

— Я не могу, прости.

Отто едва справился со своими чувствами. Встреча с Альфредом казалась ему странной, необъяснимой, невозможной. Ильзе нужно было немедленно увести отсюда. Он должен был это сделать, во что бы то ни стало. Сейчас. Через пару минут здесь действительно будет полиция, а это значит, что завтра... Нет, об этом Отто не хотел даже думать.

Ильзе упала на пол. Извиваясь всем телом, царапая себя, лягаясь и плача, она источала немислимые ругательства.

— Извините! Простите нас! — прокричал Отто так, что в шуме возникшего в кафе хаоса его услышал каждый.

Отто подхватил Ильзе на руки и потащил к выходу. Продолжая, как заклинание, повторять: «Извините! Простите нас!»

Ильза била его кулаками, а потом буквально впиалась ему ногтями в лицо. У Отто пошла кровь.

— Такси! Такси! — кричал он, оказавшись на улице.

Остановилась машина. Отто впихнул Ильзе на заднее сидение...

— Отто, я буду здесь еще пару часов, — услышал он и обернулся; на пороге Спирел-кафе стоял Альфред. — Если ты зайдешь, я буду рад.

— Да. Конечно. Хорошо, — сказал Отто, отчетливо понимая, что каждое из этих его слов — неправда. — Доброй ночи.

Отто сел в машину, к Ильзе, на заднее сидение и закрыл дверь.

— Ильзе, ваш адрес? — спросил Отто.

— Бергассе, двадцать один, — прорычала она.

— Бергассе, двадцать один, пожалуйста.

Первые две минуты Ильзе продолжала истерично орать. Потом она разрыдалась, обняла Отто и плакала, уткнувшись ему в плечо. Теперь она сидела надувшись, обиженная и оскорбленная. Прошло еще несколько мгновений, и она уже выглядела как обычно — холодная,

статная, полная ненависти и презрения ко всему, что ее окружало.

— Ненавижу вас, — тихо сказала Ильзе.

Отто повернул голову и посмотрел на нее. В сумраке салона почти семитский профиль Ильзе, вычерченный на фоне окна, казался еще более заостренным и абсолютно синим. Черная тушь растеклась по лицу, от чего глаза походили на пустые глазницы покойника. Помада, размазанная вокруг рта, превратила его в вампирический.

Отто молчал. Еще в кафе Ильзе порвала ему ухо. Несильно, но кровь продолжала идти. Отто прижимал рану платком и ждал, что кровь вот-вот загустеет и остановится.

— Ненавижу вас, — повторила Ильзе. — Кто я для вас?.. Священная овца?

— Священная Супруга, — поправил ее Отто, стараясь говорить как можно тише, чтобы не привлекать лишнего внимания водителя.

Ильзе усмехнулась:

— Нет, я для вас Священная овца. Я для вас — вещь, средство, игрушка. У меня нет моего мнения, моего права. Ханс говорит: «Ты никогда не любила». Может быть, он и прав. Но я хотела любить.

А то, что не встретила любовь... Ну так, что ж? Это не значит, что мое сердце принадлежит кому-то там «сверху» или «снизу».

Просто вы все, все до одного — мелочные, эгоистичные, жестокие, трусливые, отвратительные и жалкие существа. Да, мне вас жалко. Почему вы думаете, что если отдать мое тело какому-то Святому отпрыску, а потом убить нас обоих на ритуальном жертвеннике, то в вашей жизни что-то изменится? Взрослые мальчики играют в сказку.

«Пьяный бред», — подумал Отто.

Мысль о том, что Святая Супруга трусит перед ритуалом, к которому Орден готовился столько лет, настораживала Отто. Это странно. Почему она не понимает, какая высокая честь ей оказана? Просто возможность отдать свою жизнь за святое дело установления Истинного Порядка в мире — это уже счастье! А быть Святой Жертвой...

— Знаешь, я когда-то тоже верила в весь этот бред, — Ильзе обращалась к Отто, но, казалось, говорила сама с собой. — Люди бывают двух типов. Одни хотят чувствовать себя Избранными, другие — благоговейно лизать Избранным ноги. Поэтому, когда одни лижут ноги другим, и те и другие абсолютно счастливы. Я хотела, чтобы мне лизали...

Арийская Раса. Великое Таинство. Священное Копье. Святые Супруги. Истинный Порядок. Все обязательно с большой буквы. Бред. А почему бы мне не полизать кому-нибудь ноги? Почему мне? Вот ты — взял, появился ниоткуда, спас меня неизвестно от чего. Ты за мной следил? Да? Ханс послал? Я тебя спрашиваю!..

— Нет, — ответил Отто, очнувшись от накатившей на него вдруг сонливости. — Я просто оказался поблизости.

— Врешь, — грустно сказала Ильзе. — Охраняете меня. Я у вас Священная овца. Мне нужен уход и своевременное кормление. Впрочем, какая разница? Следил, оказался поблизости — все равно. Ты взял и вылизал мне ноги. Я тебя била, обзывала, вот ухо тебе порвала. А ты? Ты сидишь и вылизываешь мне ноги. Но почему ты, а не я — тебе?!

— Потому что вы — Святая Супруга, — ответил Отто.

— «Потому что я — Святая Супруга», — повторила Ильзе. — С чего я — Святая Супруга? Почему я — Святая Супруга? Кто такая вообще — эта *Святая Супруга*? Это же какая-то ерунда. Меня назначили. Ханс взял и назначил. Так что я не Святая Супруга, а назначенная Хансом Святая Супруга. А кто такой Ханс?..

— Ханс — Старший, — ответил Отто.

— «Ханс — Старший», — повторила Ильзе. — Очень хорошо. Ты знаешь, кому вылизывать

ноги, да? Ты счастлив. Тебе надо кому-нибудь вылизывать ноги, и ты вылизываешь их Хансу. Счастье! А почему не Ханс вылизывает тебе ноги? Почему он — Старший, а ты — младший? Почему? Знаешь, какой у Ханса язык?.. Он вылизет! Ты ему скажи.

Ильзе истерично расхохоталась. Эта фантазия, видимо, доставила ей какое-то странное удовольствие — что-то среднее между щекоткой и резкой; но приятной болью. Ильзе даже подпрыгнула на сидении.

— Ты выглядишь, как дурак, — сказала она. — Тебя как зовут?

— Отто, — ответил Отто.

— Отто, ты выглядишь, как дурак. Я тебе сказала — пусть Ханс тебе вылизет ноги. А ты взял и испугался. Как дурак. А что такого?.. Почему — нет? Он же шарлатан. Обычный шарлатан. Пусть бы он вылизал тебе ноги. Ты только представь! Какая картина — «Ханс лижет Отто ноги»! Ты получишь огромное наслаждение! Честное слово!

Ильзе продолжала хохотать. Отто стало не по себе. Разумеется, он ни за что на свете не стал бы представлять себе эту картину. Но даже на уровне речевого оборота, простой фигуры речи — «Ханс лижет Отто ноги» — это уже его шокировало. Отто запаниковал.

— Знаешь, Отто, — не унималась Ильзе, в ее голосе появились заговорщицкие интонации, — и сегодня сказалась больной, объявила всем, что хочу спать. Ханс меня оставил, а я сбежала. Я подумала — что, если я отдамся сегодня кому-нибудь? Любому мужчине. Первому попавшемуся. И тогда — все! Я уже не буду Святой Супругой. Все закончится! Все!

Я оделась подобающе, пришла в кафе, села за столик и стала наблюдать. Я никогда так не делала. Я никогда не смотрела на мужчин *так* — кому я могу отдаться? Странный вопрос. Правда. Я не вру. Что ты на меня так смотришь? Не хочешь, чтобы я рассказывала? Но ведь я Старшая, а ты младший. Ты должен слушать.

— Да, но... — Отто попытался что-то сказать. Но Ильзе даже не заметила его слабой попытки что-то возразить. Она тараторила без умолку, как маленькая девочка, рассказывающая о том, что она подсмотрела в родительской спальне.

— Я спросила себя: каким должен быть этот мужчина? Красивым?.. Да, хорошо. Но если тебя к нему не влечет, какая разница — красивый он или нет? А меня не влечет к мужчинам. Они все какие-то искусственные. Но не об этом речь. Так о чем же я?.. Да!

Потом я предположила, что он должен быть умным. Но зачем мне в постели умный? Может быть, лучше всего спать с дураком? Тогда понятно, что ты с ним делаешь. Ты с ним трахаешься. А потом я подумала, что с дураком страшно, и запуталась.

Прежде Отто никогда не разговаривал с Ильзе. Он лишь видел ее пару раз на редких собраниях небольшой части Ордена, и в городе — издали. Ильзе казалась ему неприступной королевой, живущей по ту сторону мира. Если бы его спросили, как она проводит день, то он бы, вероятно, растерялся и не знал, что ответить. Он бы сказал, наверное, какую-то глупость, что она парит над вечностью, медитирует или что-то еще в этом роде.

Но сейчас эта женщина (простая, как оказалось, женщина) рассказывала ему свою историю. Она говорила о своих чувствах, о своих страхах, о своем отчаянии. Но она же Святая Супруга?! Как такое может быть?.. Проверка? Его — Отто — проверяют? Может быть, очень может быть. Но неужели для этого задействовали саму Ильзе? Разыграли весь этот спектакль для него, для Отто? Зачем?! Он вызывает подозрения?..

— Наконец, — продолжала Ильзе, — я решила, что какой мужчина — не важно. Важно то, что я буду чувствовать. Но я же не знаю, что я должна чувствовать! Это только какие-то образы в голове. Что-то неопределенное — наполовину из фильмов, наполовину из любовных романов. Я не знаю, как это — «спать с женщиной». Ты знаешь?

Отто опешил:

— В каком смысле?

— Ну, у тебя был секс?

— Да, был, — Отто кивнул головой. — Только с женщиной...

— Ну вот! — перебила его Ильзе. — У тебя был секс с женщиной. Ты знаешь, что должен чувствовать мужчина, когда он занимается сексом с женщиной. А у меня не было. Я не знаю, что должна чувствовать женщина, когда она занимается сексом с мужчиной. Как в таком случае выбрать, кто тебе подходит?

Ильзе уставилась на Отто своими черными глазницами. Приблизилась близко-близко. Отто уже чувствовал ее дыхание — быстрое, резкое. Она была возбуждена. Точно.

— Я не знаю, — смутился Отто. — Просто ты видишь, что какая-то женщина готова тебе отдаться. Ну, что она не против. И ты делаешь шаг навстречу. Я не знаю, как это объяснить...

— Ну вот! — снова воскликнула Ильзе. — Я тоже так подумала! Я подумала: сейчас я буду смотреть на мужчин, и если кто-то мною заинтересуется, как-то включится, посмотрит, значит, мы можем...

— И что?..

— Отто, они все на меня так смотрели! Понимаешь?! — голос Ильзе задрожал. — Все! Я почувствовала себя потаскухой, падшей женщиной.

Понимаешь?! Я ловила взгляд мужчины, и он тут же менялся — оживлялся, как у голодного пса, завидевшего кусок парного мяса. Похоть. Сразу похоть в глазах, понимаешь?! Как щелчок! Раз, и все — они уже готовы, они в стойке! Они только и ждут команды — можно им начать или нет.

Чудовищная штука — если мужчина хочет, то он уже не воспринимается как мужчина. Он как бы силу свою теряет, понимаешь? Власть. Им... Им нельзя восхищаться! Власть восхищает. А в них власти нет. У тебя власть, а не у них. Ты им или даешь, или не даешь. Ты решаешь. Они хотят, а ты решаешь — да или нет. А решать должен мужчина, понимаешь? Но для этого он не должен тебя хотеть! Безвыходная ситуация. Понимаешь — безвыходная!

— Но Ильзе, вы...

— И только один, понимаешь? Только один — нет. Я смотрю на него, а он отводит глаза в сторону. Отводит и не глядит на меня. Отводит и все. Понимаешь?! Я стала его разглядывать. И вижу — он красивый, умный. Он благородный. Понимаешь — он один! И я поняла, что я никого не хочу. Я его хочу. Понимаешь?! Его! Такого!

И я хочу, чтобы он подошел ко мне... Спокойно, не торопясь, как бы невзначай, словно у него нет никакой цели, никакого намерения. Случайно... Подошел бы и... Дальше мне не придумать, никак не придумать... Как-то он должен подойти особенно... Потом сказать... Нет. Не надо. Пусть ничего не говорит. Он должен просто...

— Альфред? — Отто вдруг понял, что Ильзе говорит об Альфреде, о том, к кому она так по-дурацки приставала в кафе.

— Альфред? — от удивления Ильзе даже откинула назад голову. — Ты знаешь, как его зовут? Того — беленького? Ты знаешь?!

— Да, я знаю, — тихо, с опаской ответил Отто. — Мы с ним вместе учились. Давно...

— Дай я вылижу твои ноги! — заорала Ильзе. — Дай, правда! Дай! Я вылижу! Я вылижу твои ноги!

От ужаса Отто подскочил на сидении и с размаху ударился в потолок машины.

— Да что там у вас такое происходит?! — не выдержал водитель. — Я сейчас полицию вызову!

От удара Отто на долю секунды потерял сознание. Ильза схватила его ногу и начала

проворно развязывать шнурки его ботинок.

— Нет! Нельзя! Перестань! — кричал Отто. Водитель остановил машину, вышел и открыл заднюю дверь:

— А ну выметайтесь отсюда! Извращенцы! Быстро!

Только сейчас, когда таксист вытягивал Ильзе из салона, Отто понял, что он — водитель — араб или даже мулат. Кровь бросилась Отто в жилы — нечистокровный прикасался к Святой Супруге!

— Господи, что ж с ней такое?! — экраны потухли, Данила с ужасом смотрел на Гаптена.

— У всех истерика, видимо, что-то будет, — тихо и вдумчиво сказал Андрей. — А девушка влюбилась в этого Альфреда. Ей лет двадцать семь, двадцать восемь. Сексуального опыта нет. Завтра предстоит некий ритуал сексуального характера. Да... Ей не позавидуешь.

— В каком смысле? — не понял я.

— Психика может не выдержать, — развел руками Андрей. — Истерический паралич или ступор... Не знаю, что именно, но что-то в этом роде.

— А почему тогда она бросилась на этого Отто, если в Альфреда влюбилась? — удивился Данила.

— Он сейчас — единственное, что связывает ее с Альфредом, — объяснил Андрей.

— И что? — не понял Данила.

— А вот так... — Андрей пожал плечами, мол — ну, и думай теперь.

— Гаптен, а что там вообще такое происходит? — спросил я.

— Пока не знаем, разбираемся, — ответил Гаптен, глядя в экран монитора. — Сейчас будут дополнительные материалы. На данный момент известно, что это националистическая группировка — «Орден Священного Копья». Фашисты и мистики. Им покровительствует кто-то из крайне правых австрийских политиков.

— А в ком из них Тьма? — Данила потер голову. — Тоже неизвестно?

— Похоже, что ни в ком.

— Это как? — удивился я.

— Есть кандидаты, — сказал Гаптен. — В принципе, любой из тех, кого мы сейчас видим, может оказаться Всадником... И Вильгельм, и Ханс, и Альфред, и Отто, и Ильзе. Плюс там еще целая группа, насколько я понимаю...

— А почему информация идет через Отто? — перебил Гаптена Андрей.

— У него самое стабильное поле, — пояснил Гаптен. — Во время нервного срыва информационное поле человека начинает мерцать, и мы не можем его удерживать. Как ты правильно сказал, у них у всех истерика. Но Отто оказался самым внутренне устойчивым...

— Крепкий орешек, — тихо сказыв Данила.

— Да, — подтвердил Гаптен. — А в остальном — у нас там просто сгущение отрицательных энергий. Вот...

Гаптен нажал на пульт дистанционного управления, и на прозрачном экране сбоку от нас появилось некое подобие карты мира.

— Это общая характеристика астрального поля в динамическом режиме... — пояснил Гаптен.

Мы все, словно по команде, уставились на этот экран. Я думаю, что если капать черной тушью в молоко, то получится примерно такой же рисунок — белый фон, разъедаемый разрастающимися черными прожилками. Мир, попавший в сети.

— Сейчас мы увеличиваем масштаб, — Гаптен зафиксировал зону в европейской части и

стал быстро нажимать на кнопку пульта. — Вот; Европа, Австрия, Вена, центр города.

— Ах! — я вскрикнул.

Я испугался, да и все мы испугались. Черная дыра! Настоящая, реальная черная дыра! Она буквально захватила мой взгляд и потащила его внутрь этого изображения! Чудовищное чувство! Как будто душу силком вытягивают через глазные орбиты...

Гаптен резким движением выключил экран.

— Вы все почувствовали? — испуганно спросил он. — Никогда такого не было. И это ведь только информационный слепок! А что там на самом деле творится?!

Отто приподнялся на локтях и огляделся вокруг. Он лежал на тротуаре. Голова раскальвалась. Ильзе сидела тут же, рядом, прямо на асфальте. Чулки разорваны, колени в крови. Она редела навзрыд.

— Что? Что случилось? — пролепетал Отто, язык его почти не слушался.

— Ты полез в драку. Он тебя ударил... — редела Ильзе, растирая по лицу остатки косметики. — Ты упал... Я думала, ты умер.

— Черт! — Отто схватился за голову. — Что на тебя нашло?! Черт! Черт! Черт! Я должен отвести тебя домой. Нет, я должен доложить...

— Нет! — редела Ильзе. — Он убьет меня! Он убьет! Нельзя! Нельзя!

— А где мой бумажник?.. — Отто встал на ноги и ощупал карманы. — Где мой бумажник?! Черт! Он украл мой бумажник. Там права... Черт! Там мои права...

Ильзе продолжала реветь, стоя на четвереньках, хватая Отто за штаны.

— Что это за улица? — спросил он.

— Бергассе, — простонала Ильзе.

— Ладно. Вставай, пойдём.

Они с трудом поднялись на ноги.

— Дом пятнадцать, — считал Отто. — Дом семнадцать. Дом девятнадцать...

— Квартира Фрейда...

— Что? — не понял Отто.

— В этом доме квартира Фрейда, — сказала Ильзе.

Отто с удивлением посмотрел на свою спутницу:

— Он же семит.

— Ну и что? — Ильза воззрилась на Отто с нескрываемой ненавистью. — У семитов не может быть квартиры?..

— Как?! — не понял Отто. — Он — семит!

— Как я ненавижу вас! Как я вас ненавижу! — орала Ильза. — Я три года была в параличе. Три года! Я думала, это позвоночник. А оказалось — истерия! Потому что я боюсь, понимаешь? Я боюсь трахаться! И от этого страха у меня ноги отнялись! Понимаешь, подсознательно! Я так себя защитила от вас, мужиков! Параличом! Ведь нельзя трахаться парализованной! Защитила, подсознательно! Все просто! Все по Фрейду! По этому семиту!

— Но ты же ходишь? — Отто ничего не понял из этого объяснения и внимательно посмотрел Ильзе в глаза.

— Потому что пришел этот ваш богоизбранный Ханс, радетель арийской расы. Пришел и сказал: «Бог тебя наказал, Ильзе! Бог! Откажись от Бога! Отдай свою девственность Священному Копью!» И я отдала, и бояться перестала. Понимаешь?! И пошла! Как рукой сняло этот паралич! Понимаешь — как рукой! И я поверила! Хансу поверила! Ведь тогда я ничего этого не знала и не понимала — ни про Фрейда, ни про истерию, ни про истерические параличи. Жила рядом с этим чертовым музеем и не знала! Я думала, меня Бог наказал. А я просто трахаться боялась!

Ильзе обвила Отто руками и плакала у него на груди. Потом, в приступе бешенства, била его по спине маленькими кулачками. И снова бессильно повисала на его шее.

— Ты с ума сошла, — тихо прошептал Отто. — Тебе надо домой. Тебе надо поспать.

Отто подхватил Ильзе и понес на руках.

— Ты, правда, знаешь этого человека? — спрашивает Ильзе, когда они поднимаются по лестнице.

— Да, знаю, — отвечает Отто. — Немного.

— Ты можешь привести его ко мне?

— Его? К тебе? Как? Зачем?

— Просто привести, — Ильзе жалостливо смотрит на Отто заплаканными, совершенно карими глазами. — Чего тебе стоит?..

— Нет, я не могу, — отпирается Отто. — Что ему скажу? Нет, это невозможно.

Ильзе открывает дверь в свою квартиру и тянет Отто за руку.

— Мне надо идти, Ильзе. Мне надо идти, — говорит Отто. — Завтра важный день. Тебе нужно отдохнуть. Тебе нужно выспаться. Завтра важный день.

Ильзе тянет его за руку. Она добрая и несчастная. Она держит его за руку. Ей одиноко.

— Проходи, пожалуйста, — шепчет Ильзе. — Я должна напоить тебя чаем. У тебя голова в крови. Тебя нужно умыть. Куда ты пойдешь — весь в крови? И немного выпить, обязательно.

— Нет, я не могу, — отвечает Отто и проходит в квартиру.

— Ты забыл? Я Старшая, — нежно говорит Ильзе. — Ты должен меня слушаться.

— Нет, я помню, — мотает головой Отто. — Но...

— Какие могут быть «но»? — она прикасается к нему с нежностью и теплом. — Не может быть «но». Сейчас тут только мы — я и ты. И я — Старшая. Так?

— Так.

Ильзе стягивает с Отто куртку и ведет его в светлую, просторную ванную комнату.

— Нагнись, — говорит она Отто, берет душевой шланг и начинает мыть ему голову. — Ой! Кажется, я намочила твою рубашку. Сними.

Отто инстинктивно закрывает рукою грудь. Он не хочет, но все же начинает снимать рубашку. Ильзе направляет струю на его штаны.

— Их тоже придется снять... — уверяет она.

— Нет, не надо, — говорит Отто и пятится. — Пожалуйста...

Но он запутался в рубашке. Ильзе начинает помогать ему со штанами. Отто стягивает рубашку, но она намочила, прилипает к телу и сковывает движения. Он чувствует, что Ильзе снимает с него не только штаны.

— Подожди... постой... что ты...

Она гладит его тело. Она ласкает его. Она прикасается к нему губами.

Старшая берет от младшего то, что ей нужно.

Власть бывает разной. И нужно ли ей приказывать, если в ее просьбе невозможно отказать? И должна ли она использовать силу, если ее слабости вполне достаточно, чтобы подчинить сильного? Власть бывает разной...

Капли алой крови на белом кафеле — его и ее.

Отто целовал ее руку. — Помоги мне встать, — голос Ильзе стал вдруг холодным, металлическим. — Помоги мне встать!

Отто поднялся, поскользнулся на мокром полу, не удержал равновесие и упал. Ему вдруг стало смешно. Как глупо... Как все глупо...

— Что ты ржешь?! — Ильзе произнесла это так, что кровь в его жилах остановилась. — Помоги, мне встать, кретин!

Отто снова поднимается, тянет Ильзе за руку. Но она даже не пытается ему помочь.

— Ильзе, помоги мне, — просит Отто.

— Поднимай, урод! — орет она.

Отто пытается, но на мокром полу ее тело прокручивается, словно сплавляемое по реке бревно.

— Что с твоими ногами? — Отто удивленно смотрит на напряженные, вытянутые, как две шпалы, ноги Ильзе.

— Поднимай! — орет она.

И по этому истошному крику Отто, вдруг, понимает, что она в панике. У нее отнялись ноги!

— Поднимай! Поднимай! Поднимай!!!

Отто собирается с силами, взгромождает на себя тело Ильзе и несет ее в комнату.

— На диван! — командует она. — На диван! Он кладет Ильзе на диван.

— Накрой! — кричит она, показывая на плед. Отто выполняет ее приказание.

— Оденься! Немедленно оденься!

Отто пятится в ванную. Спешно натягивает на себя мокрые вещи.

— Пшел вон! — Ильзе указывает Отто на дверь. — Пшел вон!

Отто кубарем выкатывается на лестничную клетку и закрывает за собой входную дверь.

Холодный пот. Его пробивает холодный пот. Он льет градом. Холодная одежда, холодный пот, холодные ступени. Отто сидит в углу между пролетами и плачет.

Святая Супруга лишилась девственности. Он лишил ее девственности. Она парализована. Она обвинит его в изнасиловании. Отто ее изнасиловал.

«Переспишь с Ильзе, выпьешь ее девственной крови, и она тебя кончит. Как паучиха... Пау-чи-ха...», — звучит в голове Отто пророчество Вильгельма.

Завтра ничего не состоится. Священное Копье никогда не обретет свою силу. Арийская раса никогда не будет править на этой земле. Отто убьют.

Часть вторая

— Тьма уничтожила Сама Себя?! — удивился я, глядя на экран и не веря происходящему. — У них что, ничего теперь не состоится?

— Что-то мне не особенно в это верится, — протянул Данила. — Ощущение, что с каждой минутой там становится все хуже и хуже.

— Все показатели зашкаливают, — тихо сказал Гаптен, проглядывая столбцы цифр на небольшом экране рядом с пультом. — Никогда такого не было...

— Я, может быть, задам дурацкий вопрос... — Андрей откинулся на спинку кресла и посмотрел на нас так, словно проспал полфильма и теперь живо интересуется у присутствующих, о чем, собственно, идет речь. — Кто-нибудь здесь знает, что такое «Тьма»?..

— Тьма... — начали, как по команде, мы трое — я, Гаптен и Данила.

Сказали и переглянулись. Вышло глупо. Мы так бодро взялись отвечать... Но что именно мы можем сказать?! Ничего.

— Послушайте, там творится какое-то безобразие, — Андрей показал на большой экран, — это очевидно. Но безобразие — это еще не Тьма. Насколько я понимаю... Что такое Тьма?

— Это прозвучит странно, но мы не знаем ответа на этот вопрос. — сказал Гаптен.

— А что «темные» говорят? — спросил Андрей.

Судя по всему, наши попытки бороться с Тьмой, без малейшего представления о том, в чем именно она заключается, казались Андрею комичными.

— Темные не говорят ничего определенного, — ответил Гаптен. — Мне кажется, что они сами не знают. Они живут ощущением разрушения. И борются со Светом без всякой цели. Просто им претит созидательное начало. Тьма для них — что что-то вроде мечты.

— Но эти печати?.. — уточнил Андрей. — Всадники Тьмы? Они придадут Тьме какую-то форму? Об этом же говорили на Встрече Двадцати Четырех?..

— Да, об этом, — подтвердил Гаптен.

— Ну, и что это может быть? — развел руками Андрей. — Теоретически?

— Индейцы верят в существование злых духов. Может быть, Священное Копье способно оживить каких-то злых духов? — предположил я. — Некие сгустки отрицательной энергии?

— Злые духи?.. Нет, Анхель, — возразил Данила. — Я думаю, что это какие-то «общечеловеческие» вещи (в кавычках, конечно). Жестокость, ложь, ненависть, страх... Тьма, если она воплотится, проявится в человеке, а не в каких-то там оборотнях. Да ты посмотри сам, они же фашисты. Зачем еще какие-то оборотни?!

— Гаптен, а твое мнение? — спросил Андрей.

— Мне трудно ответить, — покачал головой Гаптен. — Я все время был на стороне партии нейтралитета. Партии Баланса Силы. И я привык думать, что Тьма — это отсутствие Света. Что у нее нет прямого определения. Что она определяется от обратного.

— То есть, — сказал Андрею, — ты не можешь сказать: «Тьма — это...». Вы привыкли, говорить: «Тьма — это не Свет». Да?

— Да, — подтвердил Гаптен.

— Понятно, — Андрей обхватил, голову руками и погрузился в задумчивость. — Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

Мы напряженно уставились на Андрея, слов но из нас четырех он один был каким-то особенным специалистом по Тьме. Глупо. Но казалось, что только он и сможет сейчас

правильно проанализировать ситуацию.

— *Власть — страшная штука, — сказал Андрей через пару минут.*

— *Власть? — переспросил Данила.*

— *Ну, да. Если совсем просто пойти — Копье Власти, первый всадник Апокалипсиса — «вышел как победоносный, и чтобы победить», и эти все о власти говорят. Может быть — власть?..*

— *Первая печать — о власти? — Гаптен уставился куда-то в сторону, словно надеясь что-то припомнить. — Было пророчество Темных, что Тьма даст миру...*

«Переспишь с Ильзе, выпьешь ее девственной крови, и она тебя кончит. Как паучиха... Пау-чи-ха...»

Отто механически прокручивал в голове пункты Устава. Так, стоп! Он же ничего не нарушил. Он не нарушил ни одного правила. Правила священны. Как хорошо, что есть правила! Да! Отто не нарушил правил. Он сделал то, что приказал ему Старший. У него не было возможности доложить о странном поведении Старшего. Он выполнял приказ. Он следовал правилам. Это не может быть ошибкой. Правила предполагают любой вариант развития событий. Случившееся должно было произойти...

Отто вскочил на ноги и выбежал на улицу.

— Отто! — раздалось сзади.

— Кто здесь?.. — Отто обернулся; из сумрака под свет уличного фонаря вышел человек. — Мориц, ты?! Что ты тут делаешь?

— За тобой пришел, — ответил Мориц и улыбнулся.

— Как ты узнал, что я здесь? — Отто задрожал всем телом.

— Приставлен я к тебе, — Мориц продолжал улыбаться.

— Ты?! Ко мне?! Нет... — прошептал Отто и попятился назад.

Вихрь мыслей пронесся у него в голове.

— Да шучу я! Шучу. Просто прогуливаюсь. Не спится. Случайная встреча...

— Черт! — закричал Отто. — Так не шутят, Мориц! Так не шутят!

— А что такого? — не понял тот. — С тобой, вообще, все в порядке?..

— Да, со мной все в порядке! Со мной все в полном порядке! Но так не шутят, Мориц! Так не шутят!

Отто бессмысленно подпрыгивал на месте, словно под ним были раскаленные угли.

— Ладно, ладно. Прости. — В голосе Морица звучали примирительные интонации. — Прогуляемся?..

— Прогуляемся?!

Отто бессмысленно хватал ртом воздух. Ему хотелось все бросить и бежать отсюда. Со всех ног, как можно быстрее — прочь, скрыться, спрятаться, переждать! У него пятки горели. Но это дом Ильзе. Мориц, конечно, об этом не знает. Но что, если он все-таки что-то заподозрит? Нельзя выдать себя. Нельзя. Нельзя.

— Да, — едва выговорил Отто.

Мориц среднего роста, коренастый. Волосы с рыжиной. Без особых примет. У Морица есть теория. Можно сказать, он ею даже знаменит. Рассказывает ее всем. Например, Отто узнал о ней в первый же день своего знакомства с Морицем.

Жизнь неизбежно заканчивается смертью — это общеизвестный факт. Но по теории Морица, жизнь не заканчивается, она убивает человека. И если ты умираешь «естественной смертью» — ты раб. Если совершаешь самоубийство, ты — господин.

Мориц решил убить себя до тридцати трех лет.

За глаза Морица называли или сумасшедшим, или придурком. Отто не понимал, как такой человек вообще мог оказаться в Ордене. И в глубине души ненавидел Морица. Великая идея *власти* становилась в устах Морица шутовской.

Сейчас они медленно шли по Бергассе. Отто — Старший. Мориц — младший. Но Отто не по себе. Он обтер лицо и увидел на своей руке кровь.

«Мориц заметил, что я в крови, или нет? — Отто искоса посмотрел на Морица и начал судорожно просчитывать ситуацию. — Не видит? Темно? Притворяется? Как он здесь оказался? Совпадение? Куда он меня ведет?»

— Похоже на морг, правда? — спросил вдруг Мориц.

— На морг? — от неожиданности Отто подавился глотком воздуха и закашлялся.

— Да. Словно по моргу идем. Мир — мертвый. Совершенно. Людям нужны герои, а героев нет. А без героев нет жизни. Всегда были герои. Христос — герой. Моисей с Давидом — герои. И Будда с Мухаммедом. Герои были всегда. Геракл, Одиссей, Ахилл, Александр Македонский...

История мира — это история героев. Герой — сердце цивилизации. Он дает ей силы, вдохновляет людей. Он — олицетворение смысла и цели. А сейчас героев нет. И поэтому мир — мертвый. Ты не знаешь, почему сейчас нет хотя бы просто великих людей? Каких-то авторитетов...

— В каком смысле — нет? — не понял Отто. — Какая-то твоя новая теория?

— Нет, не теория. Просто я так думаю. Вот мы идем с тобой по Вене. Это город великих людей. Здесь жили Моцарт, Бетховен, Гайдн, Шуберт, Штраус. И это ведь я только музыкантов перечисляю. А сколько писателей, философов, ученых, государственных деятелей?.. И не считаешь. Они — как античные боги. А кто сейчас здесь живет? Никто. Олимп опустел.

Отто затрясло от наивной глупости Морица. Он показался ему в эту секунду настоящим уродливым, вырожденцем. Гадким. Позором арийской расы.

Мориц позволил себе рассуждать о вещах, недоступных его мелкому, поверхностному уму!

Герои есть всегда. Герои — это те, кто стоит выше тебя. Они — герои. Они смогли стать выше тебя, и уже поэтому они — герои.

А история мира — это не история конкретных людей, это история систем. В системе же главное — порядок, чтобы всем все было понятно. Если порядка нет, наступает хаос и дальше — гибель. Сейчас в мире, действительно, нет порядка. Но если вызвать панику, а потом дать испуганным людям железную руку порядка, то все встанет на свои места.

— Ну, что значит — «никто»? — сказал Отто, хотя и не хотел продолжать этот разговор. — Разные люди живут в Вене. Разные...

— В Вене живут люди по имени «Никто», — четко проговорил Мориц, он словно спорил с Отто, что само по себе странно и против правил. — Я умру, ты умрешь — умрут «Никто». Я даже не уверен, что кто-нибудь будет нас оплакивать, а уж помнить — точно никто не будет. А если так — кто мы?.. Мы — никто.

Да и как нам быть «кем-то», если все с рождения всего боятся? Родителей своих боятся. Воспитателей, учителей — боятся. Просто старших. Авторитетов. Священников. Чиновников. Полицейских. Все всех боятся. А трус — он «никто». Вот и живут — «никто», и умирают «никто». Из страха в страхе, из праха в прах...

— А если мы умрем за великое дело? — Отто посмотрел на Морица, как на умалишенного, — презрительно, дерзко, с плохо скрываемым чувством отвращения.

— Если люди — никто, какое у них может быть великое дело? — весело рассмеялся Мориц. — Или ты думаешь, что три завтрашних взрыва и кража музейного экспоната — это великое дело?..

— Что ты такое говоришь, Мориц?! — Отто оторопел, ему вдруг стало невыносимо жарко. — Ты меня проверяешь?! Мою благонадежность? Да?!

— Нет, — Мориц недоуменно покачал головой. — Зачем?..

— Ну, я не знаю, зачем... — Отто был словно в каком-то ступоре. — Просто тебе сказали...

— Нет, Отто. Мне ничего не говорили.

— А ты не боишься, что я тебя выдам? — Отто абсолютно растерялся. — Я же должен доложить о твоих высказываниях...

— Мертвец очень испугался! — расхохотался Мориц. — Ой-ой-ой! Как страшно!

— Мертвец?! Ты хочешь сказать, что ты — мертвец?!

— Да. А ты разве не знал? — Мориц удивленно воззрился на Отто. — Я думал, что всем это известно... Нет?

— Что известно?! — заорал Отто. — Что ты покойник?! Ты в своем уме?..

— Но я сегодня подписал бумагу... — протянул Мориц.

— Все сегодня подписали бумагу! О том, что ты покойник, там не было сказано ни слова!

— Нет, — уверенно сказал Мориц. — «Все» не могли подписать мое предсмертное письмо. Как?..

— Это не твое предсмертное письмо! — Отто, не понимая, как Мориц может быть настолько тупым, окончательно вышел из себя. — Это общее заявление о том, что мы все обязуемся принять участие в казни отступника. Если такой появится...

— Странно, — Мориц пожал плечами. — Ты о другой бумаге говоришь.

— О другой?..

— Я же тебе объясняю: я подписал свое предсмертное письмо. Как бы завтрашним днем. Мне его Ханс продиктовал. Признание, что это я все организовал — и взрывы, и кражу, и убийства. Мол, меня никто не любит, а это неправильно. И вот — нате вам — моя месть человечеству. В общем, получилось письмо психопата.

И я говорю Хансу: «Ханс, пожалуйста, можно я подпишусь — „Никто““. Это ведь правда! Я — Никто! А он мне: „Нет, нельзя. Нужны твои имя и фамилия“. Я говорю: „Но почему нет? Поймут ведь, по почерку!“. Но он все равно запретил. И мне теперь никак не успокоиться. Словно ноет что-то в груди...

«Ты никогда не думал, что хорошие новости — самые плохие?» — Отто вспомнил слова Вильгельма.

Какие «хорошие новости» он имел в виду? То, что Мориц согласился принять на себя все предстоящие грехи Ордена? То, что он подписал соответствующую бумагу?!

«Из нас всех только Морицу на свою жизнь наплевать, — говорил Вильгельм. — Отдаст кому хочешь, по первому требованию. Даже спрашивать не будет — зачем? почему? с какой стати? Помрет, и спасибо скажет. Хороший человек. Дурак только». Циничные слова Вильгельма вдруг показались Отто страшными.

— Мориц, ты завтра себя убьешь? — еле выговорил Отто.

— По всей видимости, да, — спокойно, мягко, с какой-то даже нежностью в голосе сказал Мориц.

— И тебе не страшно?..

— Страшно, что все неправильно. А больше ничего не страшно, — ответил Мориц, потом посмотрел на Отто и добавил: — Только ты никому не передавай этого. Ладно?..

Отто был смущен, но не этой стоической готовностью Морица к смерти (возможно, и сам Отто завтра погибнет). Его смутило то, что Мориц готов отдать жизнь абсолютно бесцельно. Он не думает о своей жизни как о жертве, которую он приносит *высшей идее*. Он умирает, следуя

какой-то бредовой, выдуманной им же самим теорией...

— Что неправильно, Мориц?.. — оторопел Отто. — Что неправильно?!!

— Да все неправильно, — Мориц пожал плечами. — Вот ты на меня кричишь... Ты думаешь, это правильно? Да? Потому что ты Старший? А мне плевать, что ты Старший. И что ты на меня кричишь — мне тоже плевать. Потому что я уже умер. Я тебе это сказал, а ты даже не услышал. Не услышал, потому что и тебе на меня плевать. Все неправильно.

Ты говоришь: «Мы умрем за великое дело». Глупость это. Каждый умрет сам за себя. Смерть — дело сугубо личное, частное. Это жизнь — она общая. Вот ты смотришь на меня с ненавистью, и мне больно. А умрешь ты — как будешь смотреть?.. Никак. И мне будет ни тепло, ни холодно. Это мы живем вместе, а умирать будем врозь. Неправильно, что нам друг на друга наплевать. Неправильно.

Я хотел хоть сколько-нибудь правды написать в своем письме, хоть чуть-чуть, хоть самую малость. Это ведь мое письмо, предсмертное. А я — никто. Ты так думаешь, Ханс так думает, все так думают. Вы думаете, что я — никто, ничтожество. Почему же я не могу написать этого? Жалко вам? Все неправильно.

Или вот сегодня, например, меня назначили руководить группой. Я ее собрал. Посмотрел на этих головорезов, в глаза им посмотрел. Знаешь, они понимают, кого нужно ненавидеть, — арабов, цыган, черных. Но ведь они ни во что не верят. Вообще. У них за душой ничего нет. Только злость, и все. Я и отказался, а Ханс сказал: «Ладно. Тогда бумагу пиши». Теперь я умру. Много чего неправильно...

— Но ты ведь сам этого хотел! — взревел Отто.

Он просто осатанел от мысли, что кто-то думал назначить Морица руководителем одного из штурмовых отрядов. Бред какой-то!

— Ничего я такого не хотел, — улыбнулся Мориц. — Вступил в Орден, потому что Ильзе люблю. А Ильзе никого не любит и не полюбит никогда. Она *королевой* хочет быть, и все. Какой мне смысл жить? Вот и умру. Как бы ради Ильзе. Как в романах — рыцарь за даму. Хоть сколько-нибудь осмысленный поступок... Красивый.

Сознание Отто складывалось, словно нью-йоркские башни-близнецы: «О чем он говорит? Он вступил в Орден ради Ильзе?.. Он любит Ильзе?.. Он что, не собирался умирать?! Его теории — это такой прикол?!»

Перед глазами Отто промелькнула сцена в кафе — Ильзе, бросающаяся на Альфреда. Сцена в такси — «Дай я вылижу твои ноги!». Ванная...

— Ты любишь Ильзе? — Отто произнес эти слова буквально по слогам.

— Да.

Мориц сказал это «Да» и смотрит на Отто. Взгляд тяжелый, долгий, обреченный — «Ну?.. Что?..»

Отто держит этот взгляд и вдруг совершенно отчетливо понимает: «Он знает!» Мориц знает, что Отто только что спал с Ильзе.

«Просто прогуливаюсь. Не спится. Случайная встреча...» Как он посмотрел тогда на Отто! Словно удостовериться хотел! Да, Мориц все знает!

— И неправильно, что вы верите Хансу, — Мориц говорит это спокойным, чуть сдавленным голосом. — Он вас уберет, всех по одному. А сам смоеется с копьем. Чего в этом правильного?

— Ты это специально говоришь! — Отто бросается на Морица, хватая его за грудки и, что есть силы, начинает трясти. — Ты это специально говоришь! Из ревности! Из зависти! Просто навредить хочешь! Сомнение в меня заронить! Из-за Ильзе?! Да?! Признавайся! Да?!

— Да, — отвечает Мориц; он не сопротивляется и смотрит Отто в глаза — спокойно,

пристально. — Из-за Ильзе. Может, ты ее спасешь. Меня Ханс все равно убьет раньше.

Отто замер. Он держит Морица за грудки.

— Убьет? — переспрашивает Отто.

— Ему нужен мой труп, — у Морица спокойное доброе лицо. — Любой ценой. Все свалить на меня. Если я завтра не застрелюсь, он меня сам застрелит. Получится сымитировать мое самоубийство, чтобы баллистики не подкопались, — мое письмо выложит. Не получится ничего — бумажку с вашими подписями подкинет. Получится, так он вас всех моей кровью свяжет. На меня будет не свалить, но зато он вас молчать заставит. Он-то, верно, ее не подписал...

— Ханс подпишет ее последним, — цедит Отто сквозь зубы, сдавливая Морицу горло.

— Он это правило сам придумал?.. — Мориц смеется.

Да, Мориц вдруг засмеялся. Мориц смеется Отто в лицо. Мориц смеется над Отто. Как над идиотом... Отто круглый дурак.

Удар — лбом в переносицу. Кровь выстреливает фонтаном. Мориц падает на землю, как мешок с овощами. Отто подпрыгивает и двумя ногами приземляется прямо Морицу на грудь. Хруст.

— Господи, да они там сейчас всех поубивают! Что же мы сидим?! — закричал Данила и вскочил с места. — Ехать надо! Немедленно! В эту чертову Вену!

— Нет, Данила, ехать тебе никуда нельзя, — сосредоточенно ответил Гаптен, — Это очень опасно. Тебе просто не дадут. Прости.

— Но там же люди погибнут! Там взрывы будут! Сказали же! — продолжал кричать Данила, тыкая пальцем в мерцающий экран.

— Данила! — оборвал его Гаптен. — Этими вопросами сейчас занимаются. Мы, думаешь, откуда эти данные получаем? На это весь европейский центр работает. Взрывы мы предотвратим. Хотя, конечно, ситуация почти неуправляемая...

Гаптен снова посмотрел на стремительно растущие столбцы цифр.

— А мы что, так и будем здесь сидеть? — я тоже удивился. — Какой смысл?..

— Друзья, вы поймите: теперь о технической стороне дела вы можете не беспокоиться, — Гаптен жестикулировал, как ветряная мельница. — Теперь это не ваша забота. Тут же огромная система! Семь Посвященных на вашей стороне! Но мы должны понять суть!

Точнее, вы должны ее понять! Вы — Избранные!

То есть, грубо говоря, мы должны сказать нам, что делать? — переспросил Данила.

— Именно, именно! — воскликнул Гаптен. — Неужели я сразу этого не объяснил?..

— Но это же вы — Посвященные? — Данила недоуменно, уставился на Гаптена.

Гаптен даже улыбнулся:

— Данила... Посвященные могут только строить прогнозы на будущее. И то — в самом общем виде. А Избранные, то есть — ты, могут его делать...

— Я...

— Данила, мы не можем предугадать поведение Тьмы, мы не знаем Ее планов, мы даже логики Ее себе не представляем. Мы можем блокировать какие-то отдельные события, да. Но мы не знаем, к чему наши действия приведут! Возможно, мы будем чему-то препятствовать, а Тьма только этого и ждет! Ты...

— Я так понимаю... — задумчиво сказал Андрей, прервав объяснения Гаптена; все это время он сидел молча и безучастно смотрел на мерцающий экран. — Вы еще никаких серьезных мер не предприняли, а планы этого загадочного Ханса и так уже идут коту под хвост. И.гъзе больше не невинная дева. Морица за самоубийцу, видимо, тоже уже не выдашь, Отто

усомнился в искренности Ханса... С другой стороны. Тьма в этом регионе только усиливается. Судя по тем вот столбцам... Так, Гаптен?

— Да, совершенно точно, — Гаптен, кажется, начал понимать, к чему клонит Андрей, но мы с Данилой пока еще были в полной растерянности.

— Следовательно, — продолжил Андрей, — планы Ханса и, видимо, всего этого Ордена не имеют к Тьме никакого отношения. Собственно Тьма, я думаю, рождается на наших глазах. Проще говоря, Ханс нам не противник. Более того, нашего противника просто еще нет в природе. Вопрос в том, появится ли он здесь, на наших глазах, или не появится. И зависит это от того, насколько точно мы сейчас определим этого «Всадника»...

У Отто под ногами горел асфальт. Дыхание сбилось, левый бок ныл от надсадной боли. Отто бежал, бежал наугад, не разбирая дороги. Холодный, влажный ветер словно грубой наждачной бумагой резал его по лицу. Но внутри Отто горел. Его тело пекло, жгло, изнывало от жары. Пот лил с него градом.

«Нет, не может быть, — Отто повторял эти слова, как заклинание. — Я не убивал Морица. Я не хотел. Я не убивал...»

Мысль о том, что он, Отто, убив Морица, совал планы Ордена, внушала ему ужас. Отто искал себе оправданий: Мориц лгал Ордену, его присяга Ордену была чистой формальностью, Мориц — отступник...

Не работало. Отто не верил собственным оправданиям, он не верил своей правоте. Он убил Морица как свидетеля...

Стоп! Но Отто — Старший... Отто — Старший по отношению к Морицу. Старший всегда прав. Если Старший принимает решение в отношении младшего, прав Старший. Ну и что, что Мориц умер? Значит, так и должно было быть. Все по правилам... Правила священны. Ошибки быть не может.

Отто остановился, посмотрел назад. Абсолютно пустая улица. Он сделал несколько шагов в сторону и оказался в темном проулке между зданиями. Можно перевести дыхание.

«Ошибки быть не может, — мысленно повторил Отто. — Как хорошо...»

Он поднял глаза и посмотрел в небо. И — толи ему показалось, толи было это на самом деле — в небе прямо над ним вспыхнула звезда. Яркая, необыкновенно яркая звезда. Отто смотрел на нее, как замороженный. Смотрел и вдруг заплакал. Она светила ему...

Отто испытал ни с чем не сравнимое чувство. Подобное ощущение внутреннего трепета он переживал лишь глядя на Священное Копье. Сознание становится зыбким. Ноги слабеют, подкашиваются и дрожат. Но Отто знал — это вовсе не физическая дрожь, это мерцание его энергетической оболочки. Она, свидетельствуя чудо, отделяется от его тела, чтобы соприкоснуться, соединиться с Копьем.

И в это же мгновение какой-то странный, едва различимый звук привлек внимание Отто. Словно поманил. Отто повернул голову, и его взору предстала удивительная картина. Чуть подале, за мусорными баками, склонившись над крошечными яслями, сидела женщина. Красочный, переливающийся в свете керосиновой лампы платок покрывал ее голову. Она напевала своему малышу колыбельную песню.

Вифлеемская звезда. Богородица с младенцем. Поклонение волхвов.

Отто шагнул в ее сторону. Женщина обернулась.

Единственное, что успел разглядеть Отто — испуганный взгляд ее огромных черных глаз.

— А-а-а! — закричала она.

— Цыганка... — Отто затошнило, резкий, прогорклый запах помоев ударил ему в нос.

Женщина вскочила и бросилась прочь. Колыбель опрокинулась, упавшая керосиновая лампа

подожгла тряпье. На мостовую выкатилась вспыхнувшая как факел безжизненная собачья тушка.

У Отто началась рвота. Он не мог остановиться. Позывы на рвоту шли один за другим. Его буквально выворачивало наружу.

Странно, но его сознание в этот момент стало вдруг абсолютно прозрачным и чистым. Глядя на обгорающий собачий труп, Отто почему-то вспомнил своего знаменитого тезку — Отто Вейнингера, что тот писал о собаке:

«Собака поступает так, как будто она чувствует свое собственное ничтожество. Она дает себя бить человеку, к которому она тотчас же снова и прижимается. Влияние хвостом у собаки обозначает, что она всякое другое существо ценит выше, чем самое себя. Эта навязчивость собаки, эти ее прыжки — есть функция раба. Страх перед собакой — есть страх перед преступником. Не случайно лай собаки предвещает скорую и ужасную смерть. Не случайно и черт у Гёте является Фаусту в образе собаки».

— Отто, ты?.. — раздалось со стороны улицы. — А я тебя ждал-ждал. Уже думал, что ты не придешь...

Отто повернул голову. Прямо напротив проулка стоял Альфред. Гумпендорф-штрассе... Отто и сам не заметил, как ноги принесли его обратно к Спирел-Кафе.

— Господи! Дохлая собака?.. Дурной знак, — Альфред подошел к Отто и потянул его за плечо. — Боже мой! Да ты весь в крови... Пойдем. Пойдем отсюда.

— Проходи, — Альфред открыл дверь в квартиру и пропустил Отто вперед.

— А где здесь свет включается? — растерялся Отто.

— Надо поискать, — ответил Альфред. — Я здесь первый день. Только приехал. Мне ее сняли.

Выключатель был найден. Свет зажегся.

Глазам Отто открылся огромный круглый зал, расположенный в эркере старинного венского дома. Высоченные окна, шитые золотом гардины с массивными кистями, гигантская хрустальная люстра, инкрустированная мебель. На полу кашемировые ковры. Старинные картины в резных рамах, высокие венецианские зеркала в характерных цветных рамах, китайский шелк на стенах.

— Сняли? — вырвалось у Отто, и он тут же смутился, почувствовав предельную бестактность своего вопроса. — Прости...

— Ничего, ничего... Действительно, мне ее сняли! — улыбнулся Альфред и ободряюще посмотрел на Отто. — Располагайся. Чувствуй себя как дома. Я сейчас.

Альфред исчез в одном из коридоров. Отто растерянно проводил его глазами.

Отто мучило два вопроса. Во-первых, почему Альфред проявляет к нему такое внимание? А во-вторых, почему с этим человеком Отто чувствует себя словно под защитой? Просто какие-то детские реминисценции?..

— Вот, я подобрал кое-что из одежды — боксеры и халат, — Альфред появился в дверном проеме и жестом позвал Отто: — Теперь в ванную! Давай-давай, смелей!

Отто замер. Мысль о том, что ему придется надеть халат, вызвала в нем тревогу. Отто всегда тщательно скрывал свою грудь — носил кофты с высокими воротниками, специальные рубашки с двумя пуговицами на воротнике, бадлоны. У него дефект — впалая грудная кость. Прямо от кадыка ключица и ребра как бы вжимаются внутрь груди, образуя своеобразную ямку. Нет, он останется в своей рубашке.

— Ну, давай же! — кричит Альфред уже из коридора.

Отто вошел в просторную ванную. Альфред последовал за ним.

— Ну, чего ты ждешь? — поторопил его Альфред. — Раздевайся.

Отто покраснел и замялся. Он испугался. Сначала за свою грудь, а потом посмотрел на Альфреда и...

— Ты что, стесняешься? — расхохотался Альфред,

— Эээ... Мм... — мычал Отто, пятился и, как корова, отрицательно мотал головой.

— Господи, дурачок! — Альфред вдруг пришел и полнейший восторг от этого невинного смущения Отто. — У тебя же кожа на затылке рассечена! Как ты собираешься мыться без посторонней помощи?..

Отто почувствовал, как его щеки стали пунцовыми от стыда.

— А ты что подумал? — улыбнулся Альфред. — Нет. Даже не рассчитывай!

Отто побагровел. На этот раз от стыда. Господи, как такая мысль вообще могла прийти ему в голову! Она пришла в голову Отто... Стыдно, стыдно, невероятно стыдно! Он заподозрил Альфреда... И еще — он ведь разделся перед Ильзе, но застеснялся Альфреда. Эти старые слухи...

— Иногда наши страхи говорят о наших желаниях больше, чем мы сами говорим себе о них, — покачал головой Альфред. — Но если ты узнаешь, почему ты боишься того, чего на самом деле хочешь, ты узнаешь себя. На досуге можешь развлечься, Отто. Заняться рефлексией... А сейчас надо остановить кровь.

Альфред помог Отто раздеться и залезть в ванну. Сильные, теплые руки. Альфред достал аптечку и стал промывать Отто раны — осторожно, уверенно, аккуратно. Две бутылки антисептиков, бинты и пластыри.

Чувствовать такую заботу было приятно до слез. Отто, наконец, расслабился. Как ребенок в руках любящего отца. Да, во всем этом было что-то животное, щенячье... Что-то очень простое и настоящее.

— Господи, у тебя еще и ухо оторвано! — воскликнул Альфред. — Кто же это тебя так? Неужели та дама?..

— Нет, — соврал Отто. — Это я сам.

— Понятно, — не поверил ему Альфред. — Сам.

Смыв всю кровь губкой и скрепив края ран пластырем, Альфред принялся вытирать совершенно размякшего Отто большим махровым полотенцем.

— Вот! — с удовлетворением констатировал Альфред. — Совсем как новенький! Одевайся. Я пойду на кухню. Соображу там чего-нибудь.

Альфред вышел из ванной, а Отто расплакался. Он вдруг отчетливо понял, что ни о чем не хочет думать, никуда не хочет идти, ничего не хочет делать. Просто сидеть здесь, в теплой ванной, зная, что где-то там ходит Альфред. Ходит и «соображает» на кухне.

Отто устал. Он просто очень устал. А все, что с ним произошло сегодня, это был сон. Только сон. Ничего больше.

— Ты что, заснул там? — Альфред постучал в дверь.

— Нет, нет! Иду! — спохватился Отто, обтер рукой слезы и вышел.

Я очень рад, что мы встретились, — говорил Альфред, перетаскивая поднос с едой из просторной кухни в смежную, еще более просторную столовую. — Я здесь всего на один день...

— На один день? — удивился Отто и в очередной раз подтянул к шее ворот халата — Уже завтра уедешь?

— Ну, что-то наподобие того, — странно, с какой-то невыразимой грустью улыбнулся Альфред. — Не стал специально ни с кем встречаться. Я ведь уже десять лет не был в Вене. Что я им скажу? Здравствуйте и до свидания?..

— Десять лет?..

— Девять с небольшим, — уточнил Альфред.

Отто залюбовался Альфредом. Как тот смотрит, двигается, говорит, обращается с предметами. В каждом его движении, взгляде читалась спокойная уверенность, сила, достоинство. Во всем этом было какое-то величие. Да, он был похож на бога, зачем-то спустившегося на эту грешную землю.

— А где ты живешь? — Отто почему-то представил себе, что Альфред проводит жизнь в постоянных странствиях, путешествует, видит мир.

— Везде понемногу, — ответил Альфред. — Долго рассказывать... А ты как?

— Я... — начал было Отто и осекся.

Что он может рассказать Альфреду? Что работает мелким клерком в банке? Или что он руководит штурмовым отрядом, который завтра, или даже уже сегодня, захватит Хофбург, чтобы вернуть нации Силу Священного Копья? Что?..

Устав Ордена требует соблюдения полной секретности. О деятельности Ордена не могут знать ни твои друзья, ни твои родственники. Только твой Старший имеет право санкционировать посвящение непосвященного в тайну Ордена. Это правило.

Но Отто вдруг отчаянно захотелось рассказать Альфреду о завтрашнем дне. О том, какое это будет великое событие! Не для того, чтобы похвастаться, а чтобы дать Альфреду повод гордиться Отто. Не мелким клерком в банке, а...

— Постой! — Отто вдруг испугался и с тревогой воззрился на Альфреда. — Ты улетаешь или уезжаешь?

— Я? — переспросил Альфред. — Не знаю. Пока еще не решил.

— Лучше не самолетом, — проговорил Отто, и его голос дрогнул.

— Ты работаешь на железнодорожников? — рассмеялся Альфред. — Давай выпьем за нашу встречу!

Альфред уже налил коньяк в фужеры и протянул Отто один из них.

— За нашу встречу, — тихо повторил Отто. — Альфред, но почему ты уехал из Вены?

— Я же говорю — долго рассказывать, — Альфред посмотрел куда-то в сторону. — Тебе правда интересно?

— Да, — Отто не отрываясь смотрел на Альфреда.

Ему хотелось, чтобы Альфред говорил — просто что-то рассказывал. Неважно, что именно. Просто чтобы он говорил. В его речи было что-то необыкновенно заразительное, захватывающее, пленяющее воображение.

— Это случилось примерно за год до моего отъезда, — начал Альфред. — Меня совершенно случайно познакомили с одним молодым человеком. Он обладал острым умом, ужасно авантюрным характером и имел массу планов в голове. Мне было забавно. До этого я мучился скукой, а с ним стало забавно.

Разумеется, он втянул меня в одну из своих авантур. И мы попались. С чем и почему — это уже история. Тебе вряд ли будет интересно. В общем, мы пошли под суд и нас действительно осудили. Впрочем, весьма мягко. И передали на поруки в приход собора Святого Стефана. Наши родители постарались.

С этого дня мы должны были ежедневно являться на мессу. К этому прилагались обязательная исповедь и специальные занятия. Последние были чем-то вроде небольшой приватной проповеди. Священники педантично посвящали нас в тонкости христианской веры и устройства католической церкви.

Ты знаешь, что под собором Святого Стефана располагаются катакомбы?

Отто был настолько загипнотизирован голосом Альфреда, что сначала даже не понял, что это вопрос. Он смотрел на Альфреда, будучи в полной уверенности, что эта пауза — просто

часть рассказа, и через секунду он продолжится.

— Знаешь? — переспросил Альфред.

— Ах да! — спохватился Отто, — Там захоронен кто-то из Габсбургов?..

— Да, — подтвердил Альфред. — Но кроме склепа, под собором есть еще целый комплекс помещений, которые с давних пор использовались для мистических ритуалов. Один из священников, его звали Дитер (называю его имя, потому что он умер три года назад), проникся к нам особенным расположением и показал это место.

Оказалось, что существует огромное количество различных мистических пророчеств, так или иначе связанных с Веной. Но пророчества сами собой не сбываются, их воплощают люди. Дитер видел в нас тех, кто способен содействовать одному из самых главных пророчеств, связанных со священными тайнами.

Главное слово в этом пророчестве — власть. Но любое пророчество — вещь такая... Каждый прочитывает в нем то, что хочет. К сожалению, часто нам только кажется, что мы ищем истину. На самом же деле мы, как правило, ищем доказательства своим убеждениям. Мы не ищем правды, мы ищем «свою правду».

Что ты думаешь о власти, Отто?

— Что я думаю о власти? — рассеянно повторил Отто. — Власть — это высшая сила. Почему ты смеешься?..

Альфред действительно смеялся — громко, весело, заразительно.

— Я разве сказал что-то смешное? — Отто было странно, что Альфред смеется, он даже оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что Альфреда рассмешил именно его ответ, а не что-то еще.

— Прости, — Альфред справился с собой и перестал смеяться. — Прости. Я не хотел тебя обидеть. Просто именно так говорил этот мой товарищ: «Власть — это высшая сила». Но по моему, это тавтология. Очаровательная, в своем роде... Власть — это отношение между тем, кто правит, и тем, кто подчиняется. А кто нами на самом деле правит?.. Это неизвестно. «Власть — высшая сила»... Именно на этом мы с ним и разошлись.

— Разошлись? — не понял Отто.

— Дитер и мой товарищ, — начал объяснять Альфред, — были абсолютно уверены, что в этом пророчестве речь идет обо мне. Что это именно я приведу к власти тех, кто действительно способен управлять миром и наведет в нем порядок. Но мне было смешно думать о себе как о ключе к «высшей силе». И «порядок» их мне тоже не нравился.

В любом случае, человек, о котором говорилось в пророчестве, должен был пройти определенный обряд посвящения. Ему надлежало побывать в разных местах, встретиться с разными людьми. Короче говоря, Дитер предложил мне «мировое турне» «по святым местам» «за счет фирмы» — состоятельных людей, верящих этому пророчеству.

Поначалу я отказывался. А потом подумал, что Дитер просто зарабатывает на мне деньги, и решил получить свою часть от этих доходов. Я не верил пророчеству, но в Вене мне не сиделось. Душно. Вот я и отправился в кругосветное путешествие, даже не догадываясь, что странствовать придется не моему телу, а моему духу...

Альфред был на Тибете, и в песках Гоби, в Индии и Непале, в Ираке и Иерусалиме, в Южной и Центральной Африке, в России, даже у священного камня австралийских аборигенов в центре Австралии и на месте древних поселений индейцев Майя.

За десять лет Альфред объездил весь мир. И каждый раз, приезжая на новое место, он получал следующий адрес. Он встречал разных людей — мудрецов, мистиков, колдунов, шаманов. Каждый говорил Альфреду что-то свое, что-то важное, мудрое. Но никто из них не

знал, о каком именно посвящении идет речь в пророчестве.

И Альфред все больше убеждался, что мистическое пророчество, услышанное им в катакомбах Святого Стефана, — лишь красивая сказка. Фикция. Заработок для хитрецов и утешение для идиотов. Власть — это деньги, оружие, секс. Она чужда мистике, она проста и примитивна. Ее второе имя — корысть. Ничего больше. Ничего особенного.

Но по истечении семи лет в праздном страннике Альфреде вдруг что-то переменялось. Его стали посещать странные чувства.

Временами Альфреду казалось, что мир — крошечный. Как песчинка. Что положи его на ладонь — и он затеряется. А иногда, напротив, Альфреда охватывало страшное ощущение бесконечности, необъятности мира. Альфред сам чувствовал себя песчинкой, затерявшейся на чьей-то гигантской ладони. В нем поселился страх.

Все чаще и чаще теперь Альфред задавался вопросом: «Что такое власть?» И когда он спрашивал себя об этом, его пронзал ужас — дикий, глубинный, животный. Мудрецы и мистики рассказывали Альфреду о сакральности власти, о ее метафизическом начале, неземном происхождении. Они говорили о ней как о живом существе, особой материи...

Власть — это то, чего боятся. Вот что понял Альфред, слушая всех этих странных людей, контактирующих с потусторонними силами. Но почему люди ее любят?.. Как можно любить то, что тебя пугает? Как можно любить то, что позволяет тебе пугать? Как вообще страх может быть связан с любовью?! Это не поддавалось объяснению.

У Альфреда был лишь один ответ: власть распоряжается жизнью. Она обладает правом казнить и миловать. В этом ее сила. Но ведь распоряжаться жизнью — это не значит наделять жизнью!

«Где же Бог?!» — вот о чем спросил себя Альфред, пройдя полный круг своего путешествия.

Альфред оказался в небольшой деревушке на берегу реки Ориноко, что в самом центре горной местности Гайана, на юго-востоке Венесуэлы. Дикое место. Саванны, переходящие в бескрайние тропические леса, в центре которых спрятались багряные песчаные горы с почти вертикальными склонами и абсолютно плоскими верхушками.

Суровый старейшина индейского племени Пемон встретил Альфреда молча и долго смотрел ему в глаза, потом обратился к проводнику:

— Этот белый человек хочет видеть Бога?

— Да, — ответил проводник Альфреда, склонившись перед старым индейцем.

— Снаряжайтесь! — скомандовал вождь. Несколько десятков индейцев выволокли на воду три большие лодки. Вождь встал на носу первого каноэ, Альфред с проводником сели во второе, третье следовало за ними. Чем дальше вверх по течению, тем труднее гребцам было управляться с потоком, тем сильнее они налегали на весла.

— Куда мы направляемся? — спросил Альфред у проводника, оглядывая берега, поросшие девственным лесом джунглей.

— К горе Ауян Тепуй, господин, — почтительно ответил проводник. — В ней живет воплощенное Божество, удерживающее своей головой купол мироздания.

Течение стало мотать каноэ из стороны в сторону, а издали донесся странный, протяжно-шипящий звук.

— А что это за странные звуки?

— Это самый высокий в мире водопад — Салто Анхель, — качнул головой проводник. — С горы Дьявола спадает водопад плачущего Ангела, господин.

— С горы Дьявола? — Альфреду показалось, что он ослышался.

— Да, — ответил проводник. — Ауян Тепуй — это значит «гора Дьявола», а Анхель — это

ангел.

Картина, открывшаяся Альфреду, потрясала воображение. Водопад — высотой более километра — начинаясь тонкой белой полоской у края обрыва, летел вниз, превращаясь у зеленого подножья горы в огромный молочный столб брызг. Величественная красота этого зрелища лишила дара речи.

Каноэ пристали к берегу.

— Господин, дальше придется идти пешком, — объяснил Альфреду проводник.

Несколько километров сквозь непролазные джунгли. У Альфреда возникло ощущение, что это не кончится никогда, что это будет длиться вечно, что они так и будут идти по этим джунглям — день за днем, ночь за ночью. Так, должно быть, выглядит Ад — изнурительный, тяжкий, лишенный цели и смысла путь. Бесконечный путь в никуда.

Внезапно перед путниками выросла гигантская, уходящая в небо стена. Если бы проводник не окликнул Альфреда, тот непременно наткнулся бы на нее! Ауян Тепуй больше походила на необъятный древесный ствол, нежели на гору. Как дерево, она росла здесь среди прочих. Впрочем, вековые деревья казались рядом с ней мелкой порослью.

— Дальше мне нельзя, господин. Вы пойдете с вождем, — сказал проводник, показывая на длинный лаз, проделанный внутри песчаной скалы.

— Один?! С ним?! — ужаснулся Альфред. — Но какой смысл? Я ничего не пойму — ни из его слов, ни из слов этого «Бога»!

— Вы все поймете, господин, — шептал проводник. — Вы все поймете.

Альфреду вдруг почудилось, что его привели на заклание. Что он для этих индейцев — просто кусок ритуального мяса. Альфред обернулся и увидел, что вся группа сопровождения благоговейно пала на колени. Индейцы, не смея поднять глаз на вход в священную гору, шептали молитвы.

Вождь, воздев руки к вершине горы, безутешно плакал. Альфреду стало не по себе.

Путь по бесконечным лабиринтам внутри горы сводил Альфреда с ума. Поворот за поворотом, подъем за подъемом. Идеальная площадка для Минотавра. Нескончаемые пролеты, марши и пологие лестницы. Сколько же нужно было сил и времени, чтобы создать эту невероятную систему ходов и туннелей?!

Кромешная тьма. Ни одного источника света. Лишь только слабый, тускло люминесцирующий амулет вождя. Альфреду казалось, что они уже добрались до центра земли. Еще чуть-чуть — и перед ними засияет пылающее ядро планеты.

И только он подумал об этом, как вдруг где-то впереди действительно замерцал свет. Вероятно, он не был ярким, но он ослепил Альфреда. Настолько устали его глаза, измученные тьмой лабиринта.

Альфред щурился. У него пошли слезы — словно сукровица после ожога.

— Кто вы?!

Этот страшный, резонирующий голос исходил у Альфреда из живота, из солнечного сплетения. Альфред готов был поклясться, что это так! Это говорили его внутренности!

Вождь повернулся спиной к свету, упал на колени и начал пятиться назад — дальше по проходу. До смерти испуганный, дрожащий от страха, он что-то лепетал себе под нос на своем непонятном языке.

«Что случилось? Почему старик передвигается таким странным образом? — подумал Альфред. — Что это значит? Он не должен видеть своего Бога?..»

— Пусть белый человек войдет!

И снова Альфред услышал этот голос внутри своего тела. Он съежился. Ощущать внутри

себя что-то чужеродное было странно и неприятно.

Вождь освободил проход, и Альфред шагнул в освещенную комнату лабиринта. Может быть ему показалось, а может так, и было на самом деле, — Альфред чувствовал, как его ноги стали утопать в полу. Он шел, словно переходил вброд реку.

— С чем ты пришел ко мне?

Альфред понял, что этот голос — внутри его живота — принадлежит тому странному существу, что неподвижно возвышалось на троне в центре комнаты.

— Я пришел за посвящением власти, — ответил Альфред.

Но его голос не был слышен! Альфред словно онемел! Только бесшумно шевелил губами!

— Хорошо, ты получишь посвящение, — сказала существо. — Но понимаешь ли ты, о чем просишь?

Глаза Альфреда стали понемногу привыкать к свету. Он пригляделся — на троне сидело щуплое, абсолютно белое тело. Похожее на тело подростка, юноши. Сидело неподвижно, удерживая на голове нечто наподобие шара. У этого существа были белые волосы и белые радужные оболочки глаз. Альбинос.

— Я прошу о том, о чем должен. Этого требует пророчество, — объяснил Альфред.

И в этот же миг земля под ним пошла ходуном. Стены задрожали. Казалось, началось землетрясение или извержение вулкана. У Альфреда перехватило дыхание. Вождь, оставшийся в коридоре, заверещал, словно женщина.

Существо засмеялось, и шар, стоящий у него на голове, качнулся.

— Не смейся меня, — сказала существо. — Это опасно.

— Я не хотел, — испуганный Альфред опустил на одно колено. — Я не знаю, чем насмешил тебя.

— Ты просишь о посвящении власти, но говоришь: «Этого от меня требует...», — прошептало существо. — Из этого я заключаю, что ты не понимаешь, о чем просишь. Но я скажу тебе. Власть — величайшее бремя. Ничто не делает человека более несчастным, чем власть. Власть лишает свободы — самой малой ее толики.

Власть — самая жестокая из всех пыток, самое ужасное из всех наказаний. Нет ничего страшнее, чем принять власть. Я проклят властью, как и все, кто рождается в моем племени с белой кожей и белыми глазами. Мы прокляты. Но нас почитают, потому что на нас держится мир. И нас боятся, потому что на нас держится мир.

Существо намеренно качнуло головой, и Альфред физически ощутил в толще земли движение тектонических слоев.

— Но почему люди стремятся к власти? — прошептал Альфред.

— Потому что люди твоего мира не понимают, что такое *настоящая власть*, — сказала существо и стены снова дрогнули. — Они играют в игру, которую называют властью. Но власть и игра противоположны. Истинная власть — абсолютна. Не может быть подчиненной власти. Власть — это абсолют, это точка силы.

Когда вы думаете о власти, вы не понимаете: властвовать — значит быть на вершине мира, не имея ничего выше себя. Если вы думаете о власти, полагая, что над вами все равно кто-то есть — другой человек, Рок, Бог, вы не понимаете, что такое власть. Ваши разговоры о власти — бессмысленная болтовня глупых, неразумных существ.

Губы Альфреда шевельнулись:

— Но почему говорят, что власть дает свободу?

— Потому что глупы. Чем больше вы пытаетесь контролировать мир, тем больше он контролирует вас. Вы все — трусы. Вы боитесь, что ваши желания не исполнятся. И поэтому мир владеет вами. Он владеет вами через ваши желания. Таково Правило Силы. Тот, кто

пытается обрести свободу через власть, делает себя рабом власти. Те, кто мечтает властвовать, — самые уязвимые. Таково действие Правила Силы.

Мое племя стоит сейчас на коленях подле Горы Дьявола и твердит молитвы. Они боятся моего гнева, они боятся, что я разрушу и погублю их мир. Это их желание — они хотят меня контролировать, они хотят управлять моей властью. Они безумны. Их вождь слышит сейчас мои слова и плачет, как слабая женщина. Он пытается внушить мне мысль, что все они достойны жизни. Он пытается меня контролировать. И я — Ангел — плачу, плачу, глядя на их слабость, их страх, их глупость и жалкие попытки управлять мной.

— Я передумал, — прошептал Альфред. — Я не хочу посвящения власти...

— Поздно, — рассмеялось существо. — Говоря со мной, ты уже посвящен.

— Посвящен?.. — Альфред дрогнул. — И нет дороги назад?..

— Дорога назад... — неприятный, протяжный стон разрезал внутренности Альфреда. — Почему же — нет? Есть. Ибо есть одна вещь, над которой нельзя властвовать. Добудь эту вещь, и ты освободишься...

— Вещь? — не понял Альфред. — Какая вещь?

— Как?! Ты не знаешь?!

— Нет...

— Эта вещь — *истина* ! — рассмеялся Бог. — Истина!

Чудовищный, сотрясающий своды мироздания смех Божества охватил пространство вокруг Альфреда. И в эту же секунду тяжелая, массивная волна сбила его с ног и понесла прочь. Альфред падал с невысказанной высоты. Его вымыло, выбросило из песчаной Горы Дьявола бурным селевым потоком.

— Гаптен, о каком пророчестве Темных ты перед этим говорил? — спросил Андрей. — Что Тьма собирается дать миру?

— Глупая вещь, — начал объяснять Гаптен. — Никто этого так и не понял. Тьма якобы должна дать миру какой-то Центр. Но что это значит?..

— Центр... — задумался Андрей. — Был такой ученый — Джеймс Фрезер. Он хорошо известен благодаря своей книге «Золотая ветвь». Так вот, ему удалось установить, что во множестве архаичных культур власть воспринималась как бремя. Ну, вспомните хотя бы Атлантов, поддерживавших небесный свод. Эта благородная миссия досталась им в наказание. Древние считают, что получить власть — значит оказаться в центре мира и стать заложником своей роли.

— И как это может быть связано с Тьмой? — спросил Данила.

— Это, конечно, только теория. Но вы подумайте. Вот у Светлых двухполюсная модель мира. Помнишь, Данила — Источник Света и Частицы Света? Грубо говоря: Бог и душа, жизнь и человек. И весь мир в этом отношении между верхом и низом, источником и частицей. Причем как в знаменитой Изумрудной Скрижали: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу». А Темные, мне кажется, грезят однополюсной моделью, они говорят о Центре, но без периферии. Ведь что такое «истинная власть»? Нет ничего, кроме властвующего. В фашизме так — нет других наций, есть одна, наша. И этот Центр, он как Черная дыра, как антивещество.

— Антивещество? — не понял Данила.

— Ну, да! — продолжил Андрей. — Вещество состоит из атомов. Что такое атомы? В центре — ядро, а вокруг него по орбитам летают электроны. Как планеты вокруг Солнца. Теперь представь себе, что Солнце и планеты схлопнулись. Что их сложили, как фрукты в авоську. Упрессовали. Нет больше структуры — нет центра, нет периферии. Все стало одним

«центром». Одна сплошная гомогенная масса. Представляете — вы сжимаете и без того маленький атом в сотни тысяч раз! Если так спрессовать Землю, то ее размеры будут со спичечный коробок. Но зато каким он будет тяжелым! Это и есть антивещество! У антивещества огромная плотность, огромная масса и, соответственно, огромной гравитационная сила. Знаменитые космические Черные дыры состоят именно из такого антивещества. Именно благодаря своей силе они способны пожирать целые галактики.

— Так, — качнул головой Данила. — И...

— И однополюсная модель. Центр, о котором говорили темные, и есть такая Черная дыра. Но только в духовном смысле: отнять у людей их волю, все передать властителю, и в конечном счете — просто уничтожить всех, И все.

— Иными словами, в двухполюсной модели — там, где и Бог, и человек, и Источник, и Частица — возможно развитие, совершенствование, — Гаптен попытался пересказать услышанное своими словами. — А Тьма всех ровняет по одной линейке, всех объединяет и, соответственно, развитие невозможно?

— Да, совершенно! — подтвердил Андрей.

— Тогда получается, что вся эта власть — сплошная фикция! — воскликнул Данила. — Это просто способ обмана. Заманить, одурачить и добиться собственных целей!

— Проблема только в том, что власть везде, во всем, — Андрей растерянно уставился на мерцающие экраны.

— В каком смысле? — уточнил я.

— Точно сказал этот «Бог», — задумался Андрей. — Единственное, чем нельзя властвовать, — это истина.

— Но что он имел в виду?..

Отто обнаружил себя на широком диване в одной из многочисленных комнат квартиры Альфреда.

«Уснул?.. Когда же?! Черт, как не хорошо вышло! — Отто испытал чувство дикой неловкости; щеки загорелись. — Во время его рассказа! А как я оказался здесь? Он отнес меня на руках?»

Отто пытался вспомнить, когда именно он заснул и что именно он услышал из уст Альфреда, а что ему приснилось. Кажется, Альфред действительно рассказывал ему о водопаде Анхеля в Венесуэле. Но правда ли то, что он был внутри Горы Дьявола? Сон?..

— Альфред, пожалуйста, отнесись к этому как к представлению! Ну что тебе стоит?! В конце концов, как ни крути — это представление! Я просто в отчаянии! В отчаянии!

Отто услышал чей-то очень знакомый голос. Кто бы это мог быть?.. Отто скинул плед, в который его заботливо укутал Альфред, и на цыпочках подошел к двери. Голоса доносились из большой гостиной в ротонде — метрах в пяти-шести по коридору.

В проеме полуоткрытой двери гостиной Отто увидел долговязую, сутулую, похожую на знак вопроса фигуру Ханса! Отто стало трудно дышать.

«Меня совершенно случайно познакомили с одним молодым человеком, — прозвучали в его голове слова Альфреда. — Он обладал острым умом, ужасно авантюрным характером и имел массу планов в голове. Мне было забавно».

Отто задрожал, у него подкосились ноги. Он прислонился к косяку и инстинктивно осел на пол. Его сознание внезапно превратилось в примитивную счетную машинку, способную выполнить лишь пару простых математических действий:

«Альфред: „Они были абсолютно уверены, что в этом пророчестве речь идет обо мне“.

Альфред ездил по свету за «посвящением власти».

Альфред — Святой Супруг.

Ильзе — Святая Супруга.

Ильзе: «И только один, понимаешь? Только один!

И я поняла, что я никого не хочу. Я его хочу. Его!»

Она нашла его внутренним чувством.

Его одного — из миллиона венцев.

Сегодня они должны были...

Но вчера Отто спал с Ильзе.

Ильзе: «Приведи его ко мне! Хочешь, я вылижу твои ноги?»

Вчера Отто спал с женщиной Альфреда.

Стыдно, ужасно, чудовищно.

Сегодня ничего не произойдет.

Арийская нация никогда не будет править миром».

Нет, нет. Не может быть. Машинка внутри головы Отто щелкнула и обнулила результат. На поверхность сознания всплыли данные другой задачи. Счетная машинка начала вычисления:

«Альфред: „У Ханса авантюрный характер. У него масса планов в голове“. Ханс — великий человек, мессия. Он поднял с колен национальную идею. Ханс: „Отнесись к этому как к представлению. В конце концов, как ни крути — это представление!“»

Вильгельм: «Ханс и бумагу эту придумал». Ханс подпишет ее последним... Мориц: «Он сам это правило придумал?» Мориц: «Вас моей кровью свяжет». Альфред хочет отказаться от своей роли. Вильгельм: «Главное, чтобы Святые Супруги не распахивались».

Ильзе: «А Ханс сказал... И я поверила! Ненавижу вас!»

Вильгельм: «На роль Святого Супруга выберут кого-нибудь из нас».

Вильгельм: «Переспешь с Ильзе, выпьешь ее девственной крови...»

Мориц хотел спасти Ильзе.

Отто убил Морица.

Мориц: «Мертвец очень испугался! Как страшно!

Мориц просил Отто спасти Ильзе».

Примитивная счетная машинка Отто зависла. Слишком много действий, слишком много...

— Ханс, мы с тобой оба все прекрасно понимаем, — усталым голосом говорил Альфред. — Ты хочешь меня контролировать. Это твоя мечта — контролировать Альфреда. Ты всегда об этом мечтал.

Альфред сидел в кресле, смотрел в окно и раскуривал сигару. Отто видел только часть спинки его кресла, правое плечо и раскачивающуюся в воздухе большую кубинскую сигару.

— Боже мой, Альфред! Ради всего святого! Ты сам знаешь, ты *должен* царствовать! — Ханс пытался быть милым, лебезил, но его голос то и дело сбивался на фальцет.

Никогда Отто не видел Ханса таким! Безусловный лидер, вожак, всегда исполненный решимости и внутренней силы, сейчас он казался жалким. И в том, как он двигался, и в том, как он говорил, не было правды. Ханс пытался манипулировать Альфредом, но из-за напряжения, из-за своего страха он не мог этого скрыть.

— Ханс, я не хочу, — Альфред все это понимал, но был спокоен, как всякий человек, сделавший окончательный и безусловный выбор. — И не буду. Я должен царствовать! Ну что за ерунда?.. Царствовать хочешь ты, через меня. Ты хочешь — так делай! Иди, приноси себя в жертву, спи со своей Святой Супругой, воскресни...

— Альфред, ты думаешь, я вру, когда говорю о твоём фантастическом влиянии на людей?! Альфред, им нужен красивый лидер, понимаешь?! Ради тебя люди пойдут на все!

— Вопрос — куда они пойдут! Ты их будешь вести?.. Лично я никуда их вести не

собираюсь. Спасибо. И если они пойдут за мной, то просто будут стоять на месте. Вот и все. Надо ли мне в таком случае «царствовать»?..

— Альфред, но твои обязательства! Десять лет! — В устах Ханса это прозвучало почти как угроза.

— Ну, убей меня... — спокойно, видимо, даже с улыбкой предложил ему Альфред.

— Альфред! Ну что ты такое говоришь?! Как ты мог такое обо мне подумать!

— Не паясничай, Ханс. Кого ты пытаешься одурачить? Ты гениальный актер, но почему я должен быть твоим зрителем? Я не хочу.

— Альфред, но ты... Но я... — Ханс не мог подобрать нужных слов. — Я готов поклясться, что я никогда и ни в чем не буду тебя контролировать!

— Поклясться?.. — Альфред задумался. — А может, это и неплохая мысль. Только письменно, хорошо?

— Я напишу любую бумагу, Альфред! Ну, право! Конечно! Давай!

Ханс засуетился, в поисках бумаги и ручки.

— И подпишешь, — голос Альфреда вдруг стал жестким.

— Конечно, подпишу! — весело ответил Ханс. — Что писать?

— Кровью.

Отто похолодел. Все расчеты его вычислительной машинки полетели в тартарары. Альфред хочет, чтобы Ханс подписался кровью?! Но это мистицизм! И тут же Альфред якобы отказывается от посвящения! Нет, он ведет двойную игру. И не случайно он встретился с Отто. Своим рассказом он хотел воздействовать на сознание Отто...

— Кровью?! — Ханс оторопел. — Впрочем, хочешь кровью — подпишу кровью! Сегодня же получишь свою бумагу с моими гарантиями твоей полной свободы. Я не собираюсь тебя контролировать!

— Нет, не пойдет. Ты меня надуешь, — отрицательно покачал головой Альфред, встал со своего кресла и куда-то вышел.

Ханс, оставшись в гостиной один и не зная, что за ним наблюдают, стал нервно заламывать руки: «Черт! Черт! Сволочь! Сукин сын!»

— Вот, — Альфред протянул Хансу кухонный нож. — Давай. Просто небольшой надрез и несколько капель... Всего делов-то...

Ханс упал перед Альфредом на колени, моля о пощаде. Слезы, рев и истошный, душераздирающий крик.

— Ничего не понимаю... — прошептал я. — Кто этот Альфред? Он и есть Всадник Тьмы?..

— Похоже на то, — согласился Данила. — Они все вокруг него — Отто, Ханс, Ильзе. Не случайно же!

— Но все и вокруг Отто. — улыбнулся Андрей. — И вокруг Ханса. И вокруг Ильзе. Даже вокруг Морица!..

— Сгущение, — протянул Гаптен, глядя на мелькавшие перед ним столбцы цифр. — Это просто эффект сгущения. Вот почему все связано. Но пока Всадника нет. Он может воплотиться в ком угодно. Никогда не видел ничего подобного...

— Послушай, Гаптен, — Андрей как-будто что-то вспомнил. — А ты говорил про какие-то математические модели...

— Да, конечно, — подтвердил Гаптен. — Все, что мы сейчас видим, делает компьютерная программа на базе информационной матрицы, о которой я вам и рассказывал.

— А если есть эта математическая модель, — Андрей внимательно посмотрел Гаптену в глаза, — мы же можем получить данные о сроках...

— О сроках? — не понял Гаптен.

— Ну, у этого сгущения должна быть какая-то критическая масса. Теоретически. Некая точка кипения, — пояснил Андрей. — Вы можете рассчитать ее и сказать, когда воплощение Тьмы станет неизбежным?

— Сроки? — Гаптен все еще недоуменно смотрел на Андрея.

— Ну, да, — он качнул головой. — Все это куда-то движется. Если Тьма воплотится через час — то Всадником, окажется один этих людей. Если через десять — то, видимо, уже кто-то другой. Важно понимать сроки...

— Да, наверное, мы можем... — задумался Гаптен. — Сейчас попробуем.

Гаптен связался по телефону с кем-то из своих сотрудников и принялся оживленно обсуждать с ним техническую сторону этого предложения.

О чем именно они говорят, понять было практически невозможно, поэтому мы общались между собой.

— Что?! Что они сделали?! — внезапный крик Гаптена прервал нашу беседу. — Да. Понял. Хорошо.

Гаптен положил трубку и смотрел на нас широко открытыми глазами.

— Что случилось? — спросил Данила.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — ответил Гаптен. — Но спецслужбы в Вене...

Отто крадучись выбрался из квартиры. У него есть строгие инструкции на сегодня, и он их выполнит. По Уставу знать о том, что происходит между Старшими, он не должен. А если не должен, но знает? Значит, неважно, что между ними происходит. Младшему — не понять. У младшего есть инструкции...

К часу дня члены штурмового отряда Отто наводнят Хофбургский музей. Они будут выглядеть как обычные посетители и не вызовут никаких подозрений. В час пятнадцать полиция получит сообщение о том, что в конюшне Штальбург заложена бомба. Из прилегающего к ней здания музея начнется эвакуация.

Для большей убедительности и для отвлекающего маневра в час двадцать пять взорвется автомобиль, припаркованный у здания венской оперы. Часть подразделений полиции, направленных изначально к Хофбургу, не доедут до места. Их стянут к оперному театру — он

как раз по дороге.

Несколько работников Сокровищницы Габсбургов — члены Ордена. Во время эвакуации они обесточат систему видеонаблюдения, установленную в музее. Отто заменит Священное Копье искусной подделкой, и его вместе с тремя другими бойцами отряда закроют в шкафах, расположенных в служебных помещениях.

Дальше останется дожидаться возвращения в залы туристов, раствориться в толпе и как ни и чем не бывало выйти через центральный вход на улицу. Проверка здания займет два-три часа. Так что к трем-четырем часам дня первая часть задания будет выполнена. Дальше Отто сядет в машину и доберется до Дюрнштейна.

В Дюрнштейне к полуночи соберутся последователи Ордена. На берегу Дуная, у развалин легендарного замка пройдет факельное шествие. Тысячи людей будут участвовать в мистическом ритуале, который увенчается жертвоприношением. Святые Супруги будут умерщвлены Священным Копьем, которое явит свою Силу, воскресив умерших.

В 1099 году во время Крестового похода на Иерусалим Священное Копье уже являло свою Силу. Тогда в войсках началось брожение. Солдаты не хотели продолжать войну, люди отказывались идти освобождать святую землю от иноверцев. И нужно было что-то, чтобы вернуть воинству боевой дух.

Тогда провансальскому крестьянину Петру Бартоломею было видение. На утро он потребовал собрать войско и развести огромный костер. Прижав к себе копье, Петр вошел в огонь, и гигантская стена пламени поглотила его. Но спустя некоторое время Петр вышел из огня, оставшись живым и невредимым.

Когда в Дюрнштейне последователи Ордена станут свидетелями чуда, а в небе над Австрией один за другим начнут взрываться самолеты, Святой Супруг придет к власти. Расчет предельно прост — почтенная публика поддастся панике, а штурмовые отряды, вдохновленные Силой Копья, восстановят порядок и рукоположат новую власть.

Это будет великий день! Новая власть принесет миру Порядок. Каждый будет знать свое место, каждый будет понимать свою роль и осознавать свою ответственность. Мир, наконец, очнется от кошмарного сна гуманизма и вернется к своим живым истокам. Арийской нации предначертано быть первой. И она выполнит свое предназначение!

За Австрией очнется Германия. Две нацистские партии уже победили там на земельных выборах. Теперь они надеются попасть в Бундестаг. Но после сегодняшних событий они перестанут заигрывать с публикой. Очищающий пожар, зажженный Орденом, перекинется на всю Европу. Он охватит весь мир! Сегодня — святой день!

К двенадцати часам ночи Отто во что бы то ни стало должен выкрасть Священное Копье из Хофбурга и доставить его в Дюрнштейн.

У Отто есть четкие, понятные инструкции. Точный план. Но его мысли навязчиво возвращались к Альфреду, Ильзе, Морицу, Хансу, Вильгельму. Что между ними происходит? Какая роль на самом деле отведена Отто? Ощущение грядущей катастрофы пробивалось сквозь эшелонированную оборону его сознания.

«Нет, не может быть. Неправда. Все идет, как должно идти. Ошибки быть не может...» — повторял Отто, сомневаясь в каждом своем слове, в каждом предлоге, в каждой интонации.

Отто не узнавал родную Вену. Она стала словно картонной — вся пустая внутри, без веса, без силы. И люди — как будто неживые совсем, тоже картонные. Глупое, ужасно глупое ощущение. Нужно привести себя в чувство, сосредоточиться. Отто решил пройтись по своему сегодняшнему маршруту. Да, нужно думать только о задании.

Почему-то оцеплена площадь у здания оперы... Нашли машину со взрывчаткой?! Так и есть! Господи, как?! Кто-то прокололся? Кто-то стучит?

Отто ускорил шаг. Вперед, к Хофбургу. Там все должно быть в порядке. Там все должно быть в порядке. Там обязательно все должно быть в порядке. Там нет ни оружия, ни взрывчатки. Лишь два праздно прогуливающихся дежурных его отряда. Какие вопросы могут быть у полиции? Никаких. Там все в порядке.

Полицейские машины и оцепление! У Отто затряслись ноги — музей закрыт. Против правил — сегодня же рабочий день!

Он должен доложить. Он должен немедленно позвонить Хансу и сообщить ему о случившемся. Но он не имеет права. Докладывать можно о результатах, а не о том, почему что-то не получилось. Нет, Отто не будет звонить Хансу. У него есть строгие инструкции, и он должен их выполнять. Несмотря ни на что...

Кто-то из полицейских увидел Отто, поправил кобуру и стал подзывать напарника.

Не помня себя, Отто кинулся прочь. Улочка. Пешеходный переход. Трамвайная остановка. Отто влетел в вагон сорок шестого номера и забился в самый дальний угол. Очень хорошо. Сорок шестой. Сорок шестой — это до самого дома.

Через двадцать минут Отто вышел из трамвая и пошел по направлению к своей многоэтажке. Напротив подъезда полицейская машина. За мной?! Идти или не идти?

Отто инстинктивно вжал голову в плечи. Дурацкий рефлекс. Слово это позволит ему стать незаметным. Главное — не паниковать... Нужно просто идти вперед. Не разворачиваться и не бежать. Не привлекать внимания. Он просто пройдет мимо.

— Можно вас?.. — раздалось сзади. Отто не обернулся.

— Эй!

Отто ускорил шаг.

— Стоять! Это он! Я узнал! Быстрее!

Отто побежал.

Через несколько секунд два полицейских повалили Отто на землю. Пока один из них надевал на Отто наручники, а другой произносил скороговорку из обычных формальностей, Отто мучительно выбирал между — «по подозрению в причастности к террористической группе» или «по подозрению и убийстве» Морица.

— ...по подозрению в нанесении телесных повреждений гражданину Австрии Абу Али Хайраму, — прозвучало над ухом Отто.

— Абу Али Хайраму? — Отто вывернул голову и с ужасом уставился на полицейского. — Абу Али?..

— Ваши, — офицер полиции достал из ящика стола пластиковый пакет.

Увидев свой бумажник и документы, Отто почти беззвучно ответил:

— Мои.

— Вы состоите в какой-нибудь неонацистской группировке? — задавая этот вопрос, офицер отвернулся в сторону.

— Нет.

— Что вы делали вчера вечером — с десяти до двенадцати? — офицер убрал пакет в стол.

— Я был в кафе. В Спирел-кафе.

— С кем?

Отто замер. Он был в кафе с Вильгельмом, Ильзе и Альфредом.

— Один.

— Сейчас все формальности, потом — опознание потерпевшим.

Офицер сделал жест рукой, к Отто подошел другой полицейский и сопроводил его в лабораторию.

Отто сфотографировали и сняли с него отпечатки пальцев.

— Вот, теперь у тебя есть еще один номер! — шутливо объявил пожилой полицейский, заполнявший на Отто бланки в компьютере.

Отто не понял, о каком номере идет речь и что так развеселило этого служащего. Тот поймал недоуменный взгляд Отто и ответил:

— Раньше цифрами обозначались только большие начальники — Вильгельм I, Фридрих II, Эдуард IV. А теперь у всех номера есть. Идентификационные... Каждый человек — это теперь набор цифр. Если надо тебе узнать что-то о человеке, нет нужды с ним знакомиться. Достаточно просто посмотреть, какими цифрами он обозначен.

И президент, и нищий, и профессор, и рабочий — это уже не люди, это набор цифр. Даже покойник! Никуда от них не уйти. Номер страховки, номер водительских прав, номер какого-нибудь удостоверения, диплома, свидетельства, учетной карточки. Мы превратились в цифры. Ни души, ни чувств, ни мысли — только набор цифр.

Цифры командуют цифрами. А что эти цифры собой представляют? Никому не ведомо. Почему одна цифра командует другой? Неизвестно. Вот и у тебя теперь еще одна цифра. Набери ее в базе данных полиции и увидишь себя — свою фотографию, свои данные, особые приметы. Все здесь — «материалы дела». Вроде бы и ты, а вроде бы и нет.

— Что вы хотите этим сказать? — Отто даже как-то растерялся, пытаясь вникнуть в суть этой пространной сентенции.

— Что хочу сказать?.. — старик исподлобья посмотрел на Отто. — Каждый из нас — один из многих. Нет больше героев, мальчик. Героев нет.

Отто, вдруг, показалось, что с ним говорит Мориц. Холодок пробежал у него по спине.

— И покойник — тоже цифра, — старик словно прочел его мысли. — Есть такая книга русского писателя, так там один дворянин мертвые крестьянские души скупал. Пока душа в списках числится, она вроде бы как и есть. А не числится — значит, померла. И мораль такая: чтобы умереть, просто умереть недостаточно, надо еще из списков выбыть. И я вот думаю, что если выбыть из списка (ну, обнулить свои номера), до того, как помрешь? Можно ли тогда пожить по-человечески?

У Отто в глазах помутилось, он качнулся, как неваляшка, словно потерял центр тяжести. И рухнул на пол.

Шел уже четвертый час... Все попытки восстановить информационный контакт с Отто так и не увенчались успехом. Связь с Веной прерывалась и до этого, но ни разу — так на долго.

Понять, что происходит в Вене, а главное — предугадать, что произойдет дальше, было практически невозможно. Порвалась ниточка, которая связывала нас с этой группой людей. Отто пропал.

Экраны предательски мерцали. Накладка следовала за накладкой. Гаптен и его помощники делали все возможное, чтобы восстановить информационный канал. Но тщетно. Сгущение темной энергии создавало над городом своеобразный экранирующий купол.

Мы кое-что знали из других источников. Но лишь урывками, не всегда точно, и со значительным отставанием по времени. Отто — в полиции. Ильзе с самого утра не покидала дом. Мориц не умер, как думает Отто, он в реанимации. Сломанные ребра порвали ему легкое, так что сейчас он на аппарате искусственного дыхания. Ни Ханса, ни Альфреда обнаружить не удалось.

Полиция получила от нас информацию о готовящихся терактах. Надо думать, это спасло жизни многим людям. Но меры, предпринятые полицией, внесли в наши расчеты еще большую неопределенность. А вот сгущения Тьмы от этого меньше не стало.

— А кто-нибудь понимает, что он все заладил — этот «порядок», «порядок»? — пробурчал Данила, глядя на мерцающий экран. — Это потому, что он немец? Австрияк...

Это прозвучало очень забавно — «австрияк»... Андрей, несмотря на царящее напряжение, даже улыбнулся:

— Нет, Данила, не думаю. Когда люди ратуют за «власть» и «порядок», в них говорит желание встроиться в систему. Если ты встроился в систему, тебе все сразу понятно — кто начальник, кто дурак. Все встает на свои места. Возникает чувство определенности, а это избавляет от страха.

— Так что, получается, что к власти стремятся слабые?

— А зачем сильному власть? Чтобы кем-то командовать? Кого-то контролировать? Так сильному это не нужно. Конечно, к власти стремятся те, кто не чувствуют своей силы. Вот представьте себе группу обезьян. Несколько самцов, много самок. Они расположились на привале. Теперь будем наблюдать за двумя самыми мощными самцами. Один бегаёт, суетится, задирается ко всем. Кому по шее даст, у кого банан отнимет, с кем — просто подерется. Другой, такой же — по силе и по возрасту, — напротив, сидит тихо, на небольшом отдалении. Спокойный, ровный — не бегаёт, не скачет. Кто из этих двух самцов — вожак группы?

— Второй? — предположил Данила.

— Именно — второй! А первый только стремится к власти. И стремится он потому, что он слаб перед вожаком. А был бы сильным, разве бы он задибался к слабым?.. Вряд ли.

Пока они обсуждали это, я все думал об одной странности... Почему Отто арестован за драку с таксистом (от которого, кстати сказать, он пострадал еще больше)? Почему его задержали не за причастность к терактам, не из-за Морица, а именно из-за таксиста?

В голове застряла фраза из Митинового дневника: «Сегодня бабочка трепещет крыльями в Пекине, а через месяц это вызовет ураган в Нью-Йорке». Это «принцип бабочки»: незначительная мелочь может иметь катастрофические последствия...

— Ну, почему я сразу же не поехал в эту чертову Вену?! — сокрушался Данила. — А теперь уже все! Поздно!

Критическую массу сгущения рассчитали. Получалось, что если сгущение будет прирастать с той же интенсивностью, что и все это время, то до воплощения Тьмы остается чуть более шести часов.

— Хуже нет, когда нужно срочно что-то делать, а что делать — непонятно/ — Данила курсировал вдоль длинного стола перед большим экраном и буквально рвал на себе волосы. — Гаптен, может, я хоть позвоню? На мобильный...

— Кому? — удивился Гаптен.

— Ну, Отто. Или Альфреду. Или Хансу, в конце концов.

— Данила, кому именно?! — и у меня уже нервы не выдерживали. — Мы же не знаем, кто из них окажется Всадником!

Гаптен посмотрел на нас, рассеяно пожал плечами, снова уставился в свой монитор и буркнул себе под нос:

— Позвонить, конечно, можно. Но что им скажешь?.. «Здравствуйте, вас беспокоят из России. Вы сейчас, по случаю, окажетесь Всадником Тьмы. Поэтому сделайте что-нибудь. Например, убейте себя...».

Мы все разом замерли и переглянулись — Данила, я, Андрей. Гаптен поднял голову, увидел наши замершие лица, и следующая фраза застряла у него на губах.

«Поэтому сделайте что-нибудь. Например, убейте себя...».

Гаптен, конечно, пошутил. Разумеется, он не имел ввиду ничего подобного.

Я вдруг услышал, как тикают наручные часы Андрея. У них очень тихий ход. До сих пор я

его не замечал вовсе. А сейчас услышал... Осталось шесть часов.

— Нет, нет, — тихо сказал Данила и сел в кресло.

Отто сидел в полицейской машине, припаркованной рядом с Хофбургом, и, почти не дыша от напряжения, смотрел в окно.

«Все правильно, — повторял про себя он. — Все абсолютно правильно. Если вы следуете правилам, все будет так, как нужно».

Сколько всего произошло за эти сутки! Казалось бы, каждое из этих событий было против планов Ордена. Но вот итог — Отто сидит в полицейской машине, а офицер полиции, курировавший его задержание, идет к нему через Хелденплац, держа в руках саквояж со Священным Копьем.

Этот офицер оказался одним из членов Ордена. Он обеспечил освобождение Отто — благо надавить на араба-таксиста было нетрудно. И только что забрал у сотрудников службы охраны Хофбурга Священное Копье. Последние сами заменили оригинал подделкой, получив, в связи с новыми обстоятельствами, соответствующие инструкции.

Офицер открыл дверь машины, поставил саквояж на заднее сидение рядом с Отто и сел за руль.

— В Дюрнштейн, — тихо сказал Отто.

Машина тронулась. Его следователь стал его водителем.

Дюрнштейн находится в семидесяти километрах к западу от Вены. Они доберутся до крепости за час с небольшим. Теперь все случится... Факельное шествие, ритуал венчания, жертвоприношение, воскрешение и с ним — возрождение великой арийской расы.

Отто ощупал саквояж и поставил его к себе на колени. Руки тут же занемели.словно микроскопические разряды электрического тока побежали по коже. Еще никогда Отто не был так близок к Копью... Он щелкнул замками.

И тут же все его тело будто оказалось в жидком азоте. В считанные секунды оно превратилось в ломкую, негнущуюся восковую фигуру. Отто не мог ни вдохнуть, ни шелохнуться. Священный трепет, смешанный со священным ужасом.

И это не все. Вдруг — Отто готов был поклясться — Священное Копье пришло в движение! Лицо Отто обдало жаром, и яркое, не видимое глазом, но ослепляющее сияние вошло ему в душу. Он схватил саквояж с Копьем и прижал его к груди.

В этот же миг Отто заметил в зеркале заднего вида глаза водителя. Они буквально столкнулись взглядами:

— А правда говорят, что у Священного Супруга есть какой-то особенный стигмат? — с любопытством ребенка спросил офицер полиции.

— Стигмат? — раздраженно прошипел Отто.

— Ну, да! — подтвердил мужчина. — Говорят, человек, наделенный властью свыше, обязательно имеет какой-то физическое уродство. Ну, там — шестой палец на руке или горб. У всех великих королевских династий были какие-то физические дефекты. Или болезни — эпилепсия, например. В общем, какой-то физический дефект. Изъян.

— Изъян?! — Отто не мог понять, как этот плебей вообще мог подумать, что Отто будет с ним разговаривать. — Вы должны сохранять тишину.

— Ну, скажите! — улыбался водитель. — Очень интересно!

Отто вдруг показалось, что этот офицер полиции что-то замышляет. Нет, он не так прост, как кажется. Он работает в полиции на Орден. Но что, если он работает на полицию в Ордене?! От этой мысли у Отто снова перехватило дыхание.

Откуда полицейским было знать, что у здания театра припаркована машина со

взрывчаткой? Почему они закрыли и оцепили Хофбург? Положим, машину со взрывчаткой можно было и случайно найти. Но Хофбург! Как они узнали о Хофбурге?!

— Вы должны сохранять тишину, — повторил Отто сдавленным, механическим голосом.

— Ладно, хорошо, — обиделся офицер.

Отто против воли стал механически вспоминать известных ему членов Ордена с физическими уродствами. И вдруг вспомнил Альфреда. Ведь это Альфред — Святой Супруг! У него должно быть какое-то физическое уродство?! Это невозможно.

«На троне сидело щуплое, абсолютно белое тело. Похожее на тело подростка, юноши. Сидело неподвижно, удерживая на голове нечто наподобие шара. У этого существа были белые волосы и белые радужные оболочки глаза. Альбинос».

— Послушайте, а все-таки, как будет обставлено дело с этим жертвоприношением? — офицер не унимался. — Это ведь какой-то ритуал будет? То есть, Святых Супругов не убьют. Так — символически... Ну, в смысле... Понятно ведь, что никто не воскреснет, если в него такую штуковину вставить. Наконечник этот от Копья, я имею в виду...

«Альфред, пожалуйста, — прозвучали в голове Отто слова Ханса, — отнесись к этому как к представлению! Ну, что тебе стоит?! В конце концов, как ни крути — это представление! Я просто в отчаянии! В отчаянии!»

— Останови машину! — заорал Отто. — Немедленно останови машину!

— Зачем?! Мы же не приехали еще! Километров пять осталось...

— Останови машину!!! — Отто на ходу открыл дверь.

— Подожди! Подожди! — офицер стал резко уводить машину на обочину. — Сейчас остановлюсь...

— Он — Всадник, — тихо сказал Данила. — Отто.

— Из-за его грудной кости решил? — спросил я.

— Нет, — ответил Данила. — Из-за того, как он Копье чувствует.

— Но тут, знаете ли... — Андрей отрицательно покачал головой. — Это обычная штука.

По научному называется «эффект плацебо». Если человек абсолютно уверен, что какое-то лекарство ему обязательно поможет, достаточно дать ему банку витаминов, подписанных названием этого лекарства, и они его вылечат. Понимаете? То, что Отто чувствует Копье, возможно, не имеет к Копью ровным счетом никакого отношения — это Отто чувствует, это его реакция.

— Но ведь это Священное Копье, — недоверчиво протянул я. — Это магический предмет.

— В этом мире всё — «магические предметы», — печально улыбнулся Андрей. — Поверхность моря для нас — и то магический предмет: мы уверены, что нельзя по воде ходить, нельзя. А Христос, знаешь, встал на водную гладь и пошел — рассеял магию... Магия — это вера. А вера — это магия.

Данила внимательно посмотрел на Андрея:

— Ты хочешь сказать, что если Отто так верит, он может проткнуть себя этим копьём и не умрет?

— Единственное чудо на белом свете, которое мне известно, это человек, — ответил Андрей. — И я не думаю, но и не исключаю, что кто-либо может нанести себе травму, которую врачи назвали бы «несовместимой с жизнью», но не умрет.

— И тогда, если «кто-либо» — это Отто, — Данила продолжил мысль Андрея, — произойдет чудо, которое подтвердит убежденность этих фашистов в своей правоте...

— И воплотится Зло, — тихо сказал Андрей. — Человек способен на диаметрально противоположные чудеса — и служить Добру, когда кажется, что уже все против правды

Добра. И воплощать Зло, хотя это и противоречит самой его — человеческой — сути.

— Плохие новости... — Гаптен поднял голову от своего монитора.

Я глянул ему в лицо и испугался — оно стало абсолютно белым, как скатерть, только синие круги под глазами из-за бессонной ночи.

— Что? — спросил Данила.

И я увидел, как сжались его кулаки.

— Ускорение сгущения. — сказал Гаптен. — Новое расчетное время воплощения Тьмы — меньше часа: пятьдесят семь минут. А связи опять нет...

Держа в руках саквояж со Священным Копьем, Отто шел сквозь ряды собравшихся на берегу Дуная последователей Ордена. Кромешная темнота. Впереди в темноте силуэты развалин крепости и освященный помост, позади отражающая лунный диск поверхность Дуная. И сотни, тысячи огней вокруг. Все готово к факельному шествию.

— Что ж они не начинают? — спросил кто-то.

— Ну, это же тебе не спектакль какой-нибудь, где по третьему звонку можно начать! — ответил ему другой. — Готовятся...

— Не знаю, не знаю... Говорят, у Священной Супруги ноги отнялись, — сказал третий.

— Да не может быть!

— Не знаю. Говорят. Якобы видели, как ее в инвалидной коляске привезли...

— Ну, инвалидная коляска...

Отто шел дальше. Он пристально смотрел в лица, собравшихся людей. Они тоже его видят, они видят саквояж, который он держит в руках, но они не знают... Они не знают, что в нем — в этом саквояже. Отто несет Священное Копье. Все они ждут его — Отто. Они ждут явление Силы Священного Копья.

— Они воскреснут! Обязательно воскреснут! — говорил кто-то уже в другой группе. — Я вам точно говорю!

— Знаешь, если они воскреснут, я... Я... Я после этого на все пойду, чтобы мне ни приказали! — с воодушевлением сказал второй.

— Нельзя так, — возразил кто-то низким мужским голосом. — Нужна уверенность. Смерть и воскрешение Святых Супругов — это же не для доказательства все. Это чтобы Копье обрело Силу.

— Ты это все правильно говоришь, — согласился второй. — Но мне это нужно. Понимаешь? Чудо хочу видеть, чтобы знать, что — правда.

— Нельзя так... Нельзя.

Отто вдруг показалось, что его начали оставлять силы. Тело стало тяжелым, неподъемным. Он шел словно по пояс в воде. Что он делает? Куда он идет? А что если ошибка? Все это как-то странно. И эти люди, зачем они здесь собрались? Что они хотят увидеть? Во что они верят?

— Я тебе объясняю, — жарко обсуждали в первых рядах, совсем рядом с помостом. — Это ритуал. Ритуал — это не когда по-настоящему, а когда что-то изображают. Понимаешь?

— А я думал, что по-настоящему... — грустно ответил ему кто-то. — Обидно. Хотелось посмотреть, как по-настоящему будет. А так...

— А я верю, что даже если и ритуал, то он имеет свое отражение в высшем мире. И в этом смысле — все по-настоящему. Я так думаю, — сказал другой.

— Но хотелось по-настоящему...

Отто вдруг понял, что сейчас он увидит Ильзе, Альфреда и Ханса. Ильзе. Альфреда. Ханса. Это все какая-то ерунда. Бред. Безумие. Сбежать?.. Нет. Порядок. Должен быть восстановлен Порядок. Любой ценой. Сила Священного Копья. Он держит Священное Копье. Сбежать?..

— Вот он! — Отто услышал у себя над ухом голос Людвиг. — Наконец-то!

— Ну, слава Богу! — облегченно выдохнул Рудольф. — Отто, куда ты подевался?! Мы уж не знали, что и думать...

— Знаешь, после того, что сделал Вильгельм... — закачал головой Людвиг.

— А что сделал Вильгельм? — Отто настороженно посмотрел на Людвиг, припоминая последние слова Вильгельма: «Ты никогда не думал, что хорошие новости — самые плохие?»

— Да все же из-за него! Это он нас предал! Хорошо Ханс догадался... А ты что, не в курсе?! Его уже — все... Нет.

— Вильгельм?.. — Отто не верил своим ушам.

— Ну да! — подхватил Рудольф. — Мы же все еще вчера бумагу подписывали!

«Думаешь, проверяю тебя? Не проверяю. Просто я отказался... Жутко мне. Как вы можете подписывать смертный приговор неизвестно кому? Странно это. Знаешь, Отто, а я перестал бояться смерти. Если делаешь слишком много глупостей к ряду, то становится страшно. Страшно, что умрешь. Но когда делаешь больше того, много больше, то вдруг становится все равно — умрешь или нет. В этом ДАО — запас прочности есть у всего, даже у страха. А за ним — все, конец. Новая жизнь. Что-то у них там стряслось. Поеду».

Отто продолжил вслух слова Вильгельма: — На смерть...

— Да, смерть, — покачал головой Людвиг, даже не догадываясь с какой мыслью Отто он согласился.

Отто провели через охрану и впустили внутрь небольшой, слабо освещенной пристройки, расположенной под помостом. Словно подземелье. Не помня себя, Альфред машинально поклонился присутствующим — Хансу, Ильзе, Альфреду.

— Все! — воскликнул Ханс, увидев саквояж в руках Отто. — Теперь все!

Ханс выхватил их рук Отто сумку и принялся доставать Копье.

— Отто... Ты? Ты тоже с ними?.. — в глазах Альфреда читалось искреннее удивление.

— А ты разве не знал? — недоверчиво спросил Отто.

— Нет, — растерянность коснулась благородного лица Альфреда. — Я не знал.

Они смотрели друг другу в глаза — один пристально, другой — честно.

— Не знал?.. — повторил Отто, ощутив, как слезы подступили к горлу.

— Нет, — Альфред слегка пожал плечами, словно извиняясь. — Ты был таким добрым мальчиком, Отто. Тебя били за то, что ты был добрый. Ты никогда не мог постоять за себя...

Заметив, что между Альфредом и Отто что-то происходит, Ханс отложил Копье и скомандовал:

— Все, Отто, выйди.

Но Отто оставался стоять на месте. Он не услышал Ханса. Он видел только Альфреда — своего небожителя. Все то же благородное болезненно-белое лицо, голубые, глубоко посаженные глаза, золотистые волосы, изогнутые брови, нос с небольшой горбинкой, скулы, подбородок... И улыбка. Улыбка, похожая на усмешку.

— Ты должен царствовать, Альфред, — тихо сказал Отто. — Ты воскреснешь, я знаю. Это твое Копье. Ты должен царствовать...

— И тебе меня не жалко? — грустно улыбнулся Альфред. — Совсем?

Дрожь побежала по спине Отто.

«Власть — самая жестокая из всех пыток, самое ужасное из всех наказаний, — вспомнил он рассказ Альфреда. — Нет ничего страшнее, чем принять власть. Я проклят властью, как и все, кто рождается в моем племени с белой кожей и белыми глазами. Мы прокляты. Но нас почитают, потому что на нас держится мир. И нас боятся, потому что на нас держится мир».

— Отто, выйди! — заорал Ханс.

— Нет, Ханс, пусть Отто останется, — Ильзе выкатилась в инвалидном кресле из дальнего, самого темного угла пристройки.

Остановившись посредине — между Отто и Альфредом, она внимательно посмотрела сначала на одного, потом на другого. Она смотрела на Альфреда, в которого влюбилась вчера до беспамятства, как на манекен. Так же она смотрела и на Отто, с которым вчера потеряла невинность.

— Я хочу видеть Морица, — приказала она вдруг. — Я хочу видеть его немедленно! Прежде чем подышать, я хочу видеть глаза, которые меня любят! Пусть Отто приведет Морица!

— Милая, — приторно-высокомерно отозвался Ханс. — Морица нельзя привести, он в больнице.

— В больнице?! — Отто чуть не заплакал. — Он жив?..

Ханс не обратил на слова Отто никакого внимания. Тем же слащавым, искусственным голосом он продолжил говорить Ильзе гадости:

— Так что прости, дорогая. Сегодня ты своего неудачника не увидишь. Он даже покончить с собой не смог нормально. Спрыгнул с высоты. Разбил себе грудку, но в живых остался...

— Он не прыгал с высоты, — сказал Отто.

— Нет, Отто, он спрыгнул, — Ханс посмотрел на него с отвращением, как на существо второго сорта.

Ханс требовал, чтобы Отто заткнулся — взглядом. Буравил его глазами.

— Он не прыгал, — не опуская глаз, повторил Отто.

— Милочка, — Ханс нагнулся к Ильзе. — Отто не в себе. Мориц спрыгнул с пятого этажа и разбился. Сильно, но не до конца. У меня есть его предсмертная записка.

— Это ты его заставил написать... — прошептал Отто. — Он не хотел умирать.

— В общем, оставим это, — отрезал Ханс. — Какая, в конце концов, разница? Время не ждет.

— Это ты?.. Ты его заставил?.. — Ильзе смотрела на Ханса намокшими от слез глазами. — Господи, как ты мог?.. Как ты мог?! И ты говоришь, что это меня Бог наказал? Меня?! Ханс, ты посмотри на себя, Он тебя наказал! Тебя!

— Рудольф! — крикнул Ханс. В дверях тут же появился Рудольф. — Вколите ей что-нибудь. Совсем с ума сошла баба!

— Господи, сколько грязи, — тихо прошептал Альфред. — Ханс, а ты ведь еще даже не правишь...

— А я и не буду, — заверил его Ханс. — Ты будешь. Вот даже Отто говорит...

Альфред улыбнулся:

— Нет, Ханс, ты еще не подписал бумаги.

— Что за глупости, Альфред! Мы же договорились!

— Кровью, Ханс! Кровью! — заорал Альфред.

— Зачем? — Отто растерянно смотрел на Альфреда и не знал, как ему реагировать. — Зачем тебе это нужно, Альфред?! Зачем?

Слезы стояли у Отто в глазах. Эта подпись кровью. Это какая-то ужасная, дьявольская вещь. Зачем?! Альфред или честный человек, или... Зачем ему эта подпись?!

Альфред посмотрел на Отто и улыбнулся:

— Он же панически боится боли, Отто. Ты не знал?

— Боится боли?..

— Да. И я хочу, чтобы он проколол себе палец — в доказательство своей честности. Просто

один укол. Мне он сейчас хочет вспороть живот. Я прошу всего лишь один укол...

Отто обомлел. Ханс настолько боится боли? Весь этот сыр-бор из-за одного укола иглой?!

— Если эта железяка и заработает, — Альфред печально посмотрел на выложенное из сумки копьё, — и я не помру, а моей душой завладеет Сила Копья, мне хочется хоть такой гарантии. Пусть и мнимой. Я хочу быть уверен, что не стану марионеткой в его руках. У Ханса грязные руки, Отто. Грязные.

— Ты так и не поверил в пророчество?.. — Отто смотрел на Альфреда, и слезы катились по его щекам.

— Отто, я лентяй и повеса. Все в этой жизни давалось мне слишком легко. Какой из меня Святой Супруг?.. Нет. Просто мне не хватило мужества настаивать на этом раньше. Что ж, сейчас придется платить. Но поверь мне, Отто, все мои прегрешения, даже если помножить их друг на друга, не стоят такой цены. Зависеть от черного ума Ханса — это слишком дорого.

— Ну, довольно! — всегда сутулящийся Ханс вдруг выпрямился. — А я ведь любил тебя, Альфред! Я тебя боготворил! Но знай, теперь ты для меня умер. Рудольф, Людвиг, сюда! Вяжите его!

Рудольф и Людвиг появились на пороге, поняли, что от них требуется, и окликнули охрану.

— Святые Супруги у нас есть, Священное Копье у нас есть, — забормотал Ханс себе под нос, отвернулся и пошел в глубь комнаты. — Не хотят сами — мы им поможем...

— Ханс, — Альфред привлек к себе его внимание. — Интересно, как же ты меня боготворил?.. У тебя ведь даже и мысли такой не возникло... Нет, Ханс, иногда и такая слабая душа, как моя, способна на поступок.

Альфред достал из внутреннего кармана пиджака небольшой пистолет. Вставил его дуло себе в рот. Посмотрел на Отто. Улыбнулся и выстрелил.

— Не позволяй себя контролировать, Отто, — промывчал Альфред в последнюю секунду. — Будь сильным.

Бойцы штурмового отряда ворвались в пристройку, чтобы связать Альфреда.

— Всем немедленно выйти! — заорал Ханс. — Всем немедленно выйти!

Ханс заметался по комнате, словно объятый пламенем. Его глаза бешено вращались в орбитах. Перед ним был труп Альфреда, обмякшее тело Ильзе в инвалидном кресле и прижавшийся к стене, обезумевший от ужаса Отто.

Собравшиеся перед помостом последователи Ордена пришли в неистовство. Они восприняли звук выстрела как сигнал к началу церемонии. Восторженная людская масса скандировала: «Сила Священного Копья! Сила Священного Копья!»

— Слава богу! — воскликнул вдруг Ханс и упал перед Отто на колени. — Наконец-то!

— Что?.. — Отто попятился. — Что?..

— Наконец-то мы освободились от Альфреда! — причитал Ханс, заискивающе глядя Отто в глаза. — Альфред предал идеалы арийской расы, осквернил Священное Копье, растоптал нашу веру и наши Правила. Отто, он не хотел Порядка, он не хотел Силы Копья. Он завладел нами и увел нас с правильного пути. Но теперь этому положен конец! Ты положил этому конец, Отто! Ты Святой Супруг! Ты!

— Что?..

— Ты — муж Святой Супруги, — Ханс атаковал Отто автоматными очередями слон. — Ты доказал это! Ты взял ее этой ночью! Она приняла тебя, Отто! Ты чувствуешь Силу Копья как никто другой! У тебя, Отто, святая отметина!

Ханс вскочил с колен и с силой рванул на Отто рубаху. Отто машинально закрыл грудь

рукой. И в эту же секунду Ханс вложил в нее Священное Копье. Острие наконечника легло прямо в области дефекта грудной кости... Отто почувствовал присутствие Силы.

— Это Святой Стигмат Силы! Отто, я не мог сказать тебе этого раньше. Альфред убил бы тебя! Но теперь, теперь ты свободен! Сейчас ты примешь на себя великое бремя! Сейчас ты дашь Святому Копью Его Силу! Ты вернешь арийской расе ее главенствующую роль! Ты восстановишь Порядок и дашь людям счастье! Это сделаешь ты, Отто! ТЫ!

Ханс ввел Отто куда-то в глубь пристройки, толкая перед собой инвалидное кресло Ильзе.

— Давай!

Ханс дал команду, и небольшой лифт стал медленно подниматься.

— Отто, от тебя зависит будущее арийской расы, — шептал Ханс, когда они трое выезжали на помост, — от тебя зависит будущее мира! Восторжествует ли справедливость на земле — зависит от тебя, Отто! Ты должен умереть, чтобы возродиться! Отто, дай Копью Силу, как Копье дает Силу тебе!

Все погруженное во мрак ночи пространство — от возвышающегося помоста, и вниз, по взгорью, к Дунаю — полыхало огнями тысяч факелов. Справа и слева стояли бойцы штурмовых отрядов, с огромными, обжигающими газовыми горелками в руках. Их, колыхаемое ветром пламя походило на взметнувшийся к небу огненный парус.

— Арийцы, настал наш час! — Ханс, обладающий невиданным ораторским даром, включил пристегнутый к лацкану пиджака микрофон и начал заводить и без того уже подогретую томительным ожиданием толпу.

— Наш час! — отвечала толпа.

— Всю долгую историю нашей великой расы мы шли к этому мгновению — к часу ее триумфа!

— Ее триумфа! — громыхало и бесновалось огненное море.

— Мы превозмогали боль, терпели обиды, сносили поругание наших святынь! Но мы сохранили себя! Настал святой миг обретения Силы!

— Обретения Силы! — исступленно вопила людская масса.

— Святой Супруг и Святая Супруга — вот наши святыне жертвы!

Ханс указал рукой на Отто, стоящего с занесенным над головой Святым Копьем. Кресло с оцепеневшей Ильзе медленно катилось к краю помоста.

— Святыне жертвы! — толпа захлебывалась от восторга.

— Жертвы во искупление нашей слабости и наших уступок недостойным расам! Во искупление нашего потворства гуманизму, жидовскому либерализму, моральным ценностям вырожденцев! Всему этому приходит конец! Священное Копье обретет Силу!

— Священное Копье обретет Силу! — тысячи людей кричали, как один человек.

— Сила Священного Копья! — скандировал Ханс.

— Сила Священного Копья! — вторила ему толпа.

— Сила Священного Копья! — несло над долиной. — Сила Священного Копья!

— Это конец. — прошептал Гаптен. — Время воплощения — одна минута. Боже мой, неужели мы должны были их...

— Этого просто не может быть... — я смотрел на огромный экран, на это беснующееся людское море, на это разлившееся по земле п.тмя, и не верил, что это происходит на самом деле.

— Что ж ты делаешь-то, дурак? — прошептал Даншга. — Что ж ты делаешь-то?..

Тень недоумения проскользнула по окаменевшему лицу Отто.

— Он тебя слышит, — догадался Андрей. — Гаптен, он может слышать Данилу?

— Слышать Данилу? — не поверил Гаптен. — Нет, информационная матрица работает только в одном направлении. Это же не настоящая картинка, это реконструкция. Нельзя разговаривать с реконструкцией...

— Данила, скажи ему что-нибудь! — попросил Андрей. — Скажи!

— Отто, послушай меня... — сказал Данила. И Отто обернулся, словно разыскивая того, кто к нему обращается...

— Да!

— Отто, о какой власти ты гредишь? — прозвучало в голове Отто.

— О Власти Священного Копья, — ответил Отто.

Ханс обернулся и недоуменно посмотрел на Отто.

— Сила Священного Копья! — снова повторил Ханс в микрофон.

— Сила Священного Копья! — ответила ему обезумевшая толпа.

— Оно может властвовать над истиной? — снова кто-то спросил Отто.

Отто дрогнул:

— Нет, не может. Над истинной нельзя властвовать.

— А если бы тебе пришлось выбирать между властью и истиной, чтобы ты выбрал? — спросил голос.

Отто слегка опустил руки:

— Я выбрал бы... Истину.

— А если бы тебе пришлось отдать свою жизнь, за что бы ты ее отдал — за власть или за истину? — спросил голос.

— Я выбрал бы... Истину, — повторил Отто.

Ханс повернулся и попытался заглянуть Отто в глаза. С кем он разговаривает?

— А хочешь узнать, в чем истина о власти? — сказал голос.

— Да. Я хочу знать истину о власти, — ответил Отто и задрожал всем телом.

— Истина в том, что власть действует только до тех пор, пока ты ей подчиняешься, — ответил голос.

— Истина в том, что власть действует только до тех пор, пока ты ей подчиняешься... — прошептал Отто.

— Да, — подтвердил голос. — Скажи Хансу «Нет!» — и его власть закончится. Он больше не сможет тебя контролировать. Скажи «Нет!» правилам, и ты увидишь, что вокруг тебя жизнь. Скажи «Нет!» своим амбициям, и ты освободишься. Другого пути нет, Отто. В этом истина...

— Нет, это не правда! Ты лжешь! — Отто снова воздел вверх Копье. — Я чувствую Силу Копья! Я чувствую ЕЕ! Я чувствую Силу и священный трепет! Ты лжешь мне!

— Да... — грустно протянул голос, словно он больше не хотел разговаривать с Отто. — Ты думаешь, это Священное Копье?.. Ну, ладно...

— Постой! — прокричал Отто. — Что ты имеешь в виду?..

Ханс с недоумением воззрился на Отто. Знаком он показал Отто, что все готово, что можно начинать. Отто машинально уперся острием копья в свою грудную кость. Завороженная толпа замолкла...

— Что я имею в виду? — спокойно ответил голос. — Сегодня вы с легкостью выкрали эту святыню из музея. Когда обнаружится пропавшая?.. Нескоро. Ведь на месте прежнего копья лежит искусная подделка. Вы думаете, вы были первыми? Ты действительно думаешь, что за две тысячи лет не нашлось никого, кто бы выкрал это копье с такой же легкостью, как ты сегодня?! Копье Власти?!

Отто отнял от груди Копье и с недоумением уставился на него.

— Это Копье — очередная подделка?.. — крикнул Отто, потому что голос в его голове таял с каждой секундой.

— *Что, Отто. пропало ощущение трепета?* — спросил голос.

— Да, но... — прокричал ему Отто.

— *Копье обладает силой только потому, что ты веришь в его силу, Отто*, — тихо, почти беззвучно сказал голос. — *Ты наделяешь его силой. И это твоя сила. Ты можешь распоряжаться ею как хочешь, по собственному усмотрению. Ты можешь отдать ее другому, например, Хансу. И он будет тебя контролировать. Или Копью, и оно убьет тебя. Ты можешь отдать ее кому угодно и прожить не свою, а чужую жизнь. Но можешь взять ее себе... и стать свободным.*

— Но разве это не испытание веры? — кричал уходящему голосу Отто.

— *Твоя вера в это Копье, Отто, способна свернуть горы. Это правда. Но почему ты не видишь, что не Копье и даже не твоя вера, а ты сам сворачиваешь эти горы? Будь свободным. Ты сможешь. Попробуй...*

— Можно попробовать?.. — крикнул Отто и оглянулся.

Голос больше не звучал в его голове. Полная тишина. Перед Отто недвижимо стояло замершее человеческое море. Отто посмотрел на Ханса. Ханс спал с лица. Он был как побитая собака. Что случилось?..

— Слышите, — закричала Ильзе из своего кресла. — Это Копье — очередная подделка... Да, но разве это не испытание веры?.. Желаящие могут попробовать! Кидай им Копье, Отто! Кидай! Пусть играют! Пусть!

Отто вдруг понял, что это его слова. Все это он сам только что сказал этим людям. И ему вдруг стало смешно. Ему вдруг стало дико смешно! Он расхохотался и бросил Копье в толпу. Увесистый кусок металла поднялся в воздух, сделал несколько сальто и камнем упал в человеческое море. В панике люди расступились...

— Не трогать! Слышите меня, не трогать! — кричал Ханс, и его голос, благодаря динамикам, гулко расходился над затихшей долиной. — Оно настоящее! Настоящее!

В считанные секунды Ханс достиг Копья и схватился за основание. Люди подались в стороны, образовав тем самым своеобразную площадку.

— О'кей! Я сделаю это сам! — инструктировал себя Ханс, сидя на коленях и переминая копьё в руках. — Раз вы все такие слабаки, я сделаю это сам!

Первая попытка Ханса проткнуть свой живот Копьем успехом не увенчалась. Руки предательски замерли в нескольких сантиметрах от рубашки. Ханс порвал пуговицы и открыл живот. Вторая попытка. Опять осечка.

Отто соскочил с помоста. Люди расступались, чтобы пропустить его. Он шел по живому коридору к площадке вокруг Ханса.

— Черт, ну что же это! — кричал Ханс. — Ну, за что же?! За что?! Почему?!

Он тыкал и тыкал в живот Священным Копьем, но все без толку. Копье еще ни разу не коснулось тела — его собственные руки не позволяли.

— Страшно, да? — спросил Отто, нагнувшись над Хансом, и микрофон передал этот вопрос всем, кто стоял сейчас на берегу Дуная. — Получить власть над другими — это нетрудно. Достаточно обладать талантом красиво и убедительно лгать. А над собой, Ханс? Как над собой взять власть? Нет, тут непросто. Себе-то — как соврешь? Ведь больно же, да?..

— А-а-а! — заорал Ханс и все-таки ткнул себя копьём.

Крохотная капелька крови выступила у него на животе. И началась истерика. Дикая, истощающая, с криками и с бессильной мольбой о помощи.

— Врача! Есть здесь врач?! Позовите мне врача! — эхом эти истошные крики прокатывались к Дунаю, пока кто-то не сообразил наконец отключить динамики.

Люди начали медленно покидать долину перед помостом. Никто не кричал, некоторые лишь тихо переговаривались друг с другом. К Хансу так никто и не подошел. Даже его приближенные — Рудольф и Людвиг.

А Отто — уставший, потерянный, но словно оживший вновь — просто стоял и смотрел на это корчащееся в судорогах тело.

— Отто, отвези меня к Морицу в больницу.

Отто обернулся. Рядом с ним стояла Ильзе.

— Ты встала? — обрадовался Отто. — Ты смогла встать!

— Да, — тихо ответила Ильзе и прижалась к его плечу. — Бог не наказывает, это неправда.

Если кто и может нас наказать, так это только мы сами. Отвези меня к Морицу, ладно?

— Да, к Морицу! Конечно!

— Гаптен, а в этом доме, вообще, кормят?.. — Данила откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди, улыбнулся и с хитрецей уставился на хозяина. — Не знаю, как присутствующие, но я на диету не подписывался!

Валяет дурака. Он всегда так делает, когда смущается. А сейчас он смущается. Мы же смотрим на него — Гаптен, которого просто распирает от счастья, Андрей, в глазах которого читается бесконечное уважение, и я, в чьих глазах уже давно ничего не читается. У меня в глазах только слезы. Слезы радости.

В последнюю минуту мы трое сдались. Это правда. Мне кажется, нельзя было смотреть на эту обезумевшую толпу, на эту массу, с ее колоссальным разрушительным зарядом, и оставаться в здравом рассудке. Это зрелище парализовало волю, лишало сил, какой-либо надежды. Чудовищное, адское зрелище.

И то, что сделал Данила... Непонятно, как он вообще смог войти в эту информационную матрицу. И теперь это очень занимает Гаптена. Его машина, вдруг, начала кодировать слова Данилы, переводила их в цифры и выдала Отто уже в виде внутреннего голоса! Надо полагать, на немецком языке...

А как он умудрился переубедить Отто?! Ну, не переубедить, а достучаться до него?! Как?! Под напором Ханса Отто превратился в зомби! Он перестал думать. Его сознание превратилось в белый лист, словно обнулялось. Но Данила нашел слова, нашел что сказать, как сказать, донести...

— Данила, а как ты придумал этот фокус с Копьем? — спросил сияющий как медный таз Гаптен.

Мы уплетали за обе щеки в местной, как Андрей выразился, «кают-компаний».

— Какой фокус? — не понял Данила.

— Ну, что оно поддельное... — пояснил Гаптен.

— Это не фокус... — от недоумения оголодавший Данила даже перестал есть. — Это правда. Да...

— Но как ты догадался? — тут и я чуть не потерял дар речи.

— А вы что, сами не поняли? — не поверил Данила.

— Нееет...

— Но это же очевидно! — Данила с воодушевлением принялся объяснять нам ход своих рассуждений. — Я все время думал... После того, как Андрей установил, что планы Ордена не имеют никакого отношения к воплощению Тьмы, у меня никуда не прикреплялось это чертово Копье!

Ну, я думаю... Планы этих сумасшедших — ерунда, факт их личной, психбольной биографии, ладно. Можно забыть, Но как произойдет воплощение Всадника Тьмы? Это должно быть что-то человеческое, что-то, связанное с внутренним миром. И опять — куда Копье девать? Ни пришей, ни пристегни...

И тут Андрей рассказывает про этих обезьян. Что, мол, если ты личность цельная, то власть тебе не нужна, а если не цельная, то как раз очень тебе ее хочется. А еще он рассказывал про Черные дыры. Я в этой ядерной физике ни бельмеса не смыслю. Но ньютоновскую физику у школе вызубрил и знаю — если шарик стоит на горке и никуда не движется, это не значит, что у него нет энергии. У него она есть, только не кинетическая — заметная, а потенциальная — незаметная.

— Данила, ты к чему ведешь?.. — я даже растерялся.

— К тому, что у вожака обезьян много силы, просто она в нем! — Данила начал активно жестикулировать. — Понимаешь? В нем! Это его сила! Как бы потенциальная! Просто ее не видно!

— Ну?..

— Ну, ну! — разозлился Данила. — Ты хочешь сказать, что этот парень — Отто — слабак?! Мы из всей этой банды через него одного могли изображение получать! Помнишь, Гаптен объяснял, что у всех остальных было поле нестабильное, слабое какое-то?

— И... — я, кажется начал понимать.

— И я думаю, — неистовствовал Данила, раздосадованный моей несообразительностью. — Он из них самый сильный. А все хочет этой власти и порядка. Где сила-то?! И вот оно встало на место, это Копье! Как только Андрей объяснил про это, как его?.. Пла...

— Плацебо, — улыбнулся Андрей.

Он, в отличие от нас с Гаптенем, уже все понял и просто наблюдал за «битвой интеллектов» со стороны.

— Да, плацебо! Точно! Так вот, я понял, куда делась сила Отто — он ее Копью отдал!

— Так... — Гаптен медленно качнул головой и почти по слогам повторил свой первый вопрос. — И почему это Копье подделка?..

— Ну, это же очевидно! — заорал Данила. — Что такая штуковина может делать в витрине музея?! Если это действительно такое Копье Власти, как о нем Темные говорят, его бы уволокли оттуда, к чертям собачим, уже тысячу раз!

— Пошла кинетическая энергия, — констатировал Андрей. — Все понятно. Русский объясняет австрияку, что в его музеях лежать может, а чего — нет...

Мы на секунду задумались... И расхохотались. Буквально повалились на пол.

— Да пошли вы!.. — покраснелся Данила, еле сдерживаясь, чтобы самому не расхохотаться. — Ну, да! А как?..

Из нас пошла энергия. Волна. Все напряжение этих суток изливалось из нас фонтанами смеха.

— Ты бы, Анхель, лучше подумал, как первую печать в своей книге объяснишь, — сказал Данила через пару минут, когда мы чуть-чуть уgomонились. — Ведь не все так просто, этот порок внутри каждой души есть...

— А чего думать? Теперь проблем не будет. Возьму у Андрея интервью... — сказал я и посмотрел на Андрея. — У него ведь есть, что по поводу этой печати сказать?

— У меня-то есть, — Андрей произнес это так, что мы все затихли. — Только вот меня волнуют оставшиеся шесть...